М. Красовская
Н. Кроноцкая

Настенька и медведь

Марианна Красовская

Настенька и медведь

«Автор»

2022

Красовская М.

Настенька и медведь / М. Красовская — «Автор», 2022

Настенькина жизнь внезапно оказалась похожей на сказку: сначала она вышла замуж за незнакомца, чтобы прокормить детей, потом муж увез ее в заколдованную лесную избушку и оказался медведем. И только от нее теперь зависит, какая это будет сказка: добрая или злая…

© Красовская М., 2022
© Автор, 2022

Содержание

1. Пролог. В деревню 5
2. Теплая встреча 8
3. Братец Иванушка 12
4. Война объявлена 16
5. Неожиданные гости 19
6. Предложение, от которого нельзя отказаться 23
7. Договор 26
8. Эвакуация 30
9. Избушка-избушка, повернись к лесу передом… 33
10. Там на неведомых дорожках… 37
11. Белогорье 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марианна Красовская, Нани Кроноцкая Настенька и медведь

1. Пролог. В деревню

– И снова в эфире Стася Ли! Сегодня мы едем в деревню! Да, да, в самую настоящую деревню Ярославской области. Печка, туалет на улице, огород…

– Стоп съемка. Стась, какой огород, ну ты чо, на дворе ноябрь.

– Огород, Валь, понятие круглогодичное, – тяжело вздохнула девчушка с двумя разноцветными хвостиками и в солнечных очках, несмотря на то, что снимали они в пригородной электричке. – Как и свинарник, и кролики, и вязание половичков. Ты нифига не шаришь, сейчас в тренде деревня и ручной труд.

– Конечно, и туалет на улице, – сморщил нос парнишка в смешной розовой шапке.

– И туалет на улице, – отрезала девушка. – Знаешь, как приятно за всем этим наблюдать на экране айфона? Сидя на диване в своей Московской студии, ага.

– Я в свинарник не пойду, – заупрямился парень.

– Ты – оператор. Пойдёшь, как миленький, – и, видя, как ее спутник смурнеет, Стася целует его в нос. – Ну Вальчик, это наш шанс. У нас почти пять тысяч подписчиков уже, а будет – пятьдесят тысяч! Сто тысяч! Обещаю, это будет бомба!

– Это будет очень вонючая бомба, – сдаётся парень. – Курятники, навоз, квашеная капуста.

– Печка, колодец, парное молоко, – весело подхватывает девушка. – Давай, снимаем. В эфире Стася Ли, и мы едем в деревню!

В пригородной электричке холодно и пусто. Никто не хочет в деревню в ноябре. Настю Лисицину, или, как ее знают в эфире, Стасю Ли, это совершенно не смущает. Она едет домой. Протертые сиденья, озябшие ноги, горячий сладкий чай из термоса. Ей все нравится. Она наконец-то увидит маму. И братьев с сёстрами. В ее огромном рюкзаке куклы и сладости.

– Никогда не видел живой курицы, – задумчиво произносит Валентин, ее парень. – Это так странно. И почему люди не научились клонировать мясо? Как было бы здорово: вырастили отдельно грудки, отдельно крылья…

– Отдельно яйца, – весело подхватила Стася. – Хочешь яйцо, Валь?

– Чипсов хочу, – вздохнул Валентин, он же Вал-Дай. – И пепси.

– А мы в общаге пепси унитазы мыли, – невинно замечает девушка, весело стуча вареным яйцом по пластиковому столику. – Ой, йошки! Валь! Я же просила яйца сварить!

– Я сварил, – с достоинством отвечает парень.

– И сколько ты их варил?

– Ну… минуту. Или две.

– Придурок, они почти сырые!

– Не мужское это дело – еду готовить, – огрызнулся парень, поглубже натягивая шапку. – Блин, Насть, чо так холодно? Где отопление?

– Летом ему жарко, зимой холодно, – ворчит Настя. – Ты ж в деревне сдохнешь, Валь. Зачем я тебя с собой потащила,

– Как оператора, защитника и любимого человека, – мгновенно ответил парень. – Ладно, прости за яйца. Иди сюда, погрей своего мужчину уже.

Он перетащил слабо сопротивляющуюся девушку к себе на колени и запустил руки ей под куртку. В вагоне они были одни, и ему это очень нравилось.

Через два часа они вышли на небольшой станции. Та же картина: пустота, грязь и дождь со снегом.

Валентин с ужасом заглянул в телефон.

– А что, убер вызвать нельзя? – тихо спросил он. – Связи совсем нет.

– Фигня вопрос, тут до деревни три километра, – бодро ответила Настя. – А там вышка есть. Наверное.

– Три километра?

– Ну да, рядом совсем.

– Лисицина, ты больная.

– Поздоровее некоторых. Пошли уже, колобок.

– Почему колобок? – с несчастным видом спросил парень, поправляя рюкзак.

– Ну ты от бабушки ушёл, от дедушки ушёл, от ректора тоже ушел…

– В академический! По причине длительной болезни!

– Да-да, от военкома ушел…

– Вообще не смешно!

– А от меня, от Лисицыной, не уйдёшь, я тебя съем, – захохотала девушка, обнимая его за шею и целуя. Знала, что поцелуями может добиться от своего парня всего, чего захочет.

Действительно, он заулыбался, обхватил ее двумя руками, отвечая на поцелуй, и даже ныть на время прекратил.

Они были отличной парой: деревенская девочка Настя, бросившая технический институт на третьем курсе (сопромат оказался ее сильнее) и Валентин, житель большого города, блогер и, как он себя называл, метросексуал. Настя, правда, уверяла, что если в городе нет метро, то метросексуалов тоже быть не может, но Валя только обзывал ее деревенщиной и ржал в ответ.

Никакой деревенщиной Настя, конечно, не была. В городе она жила с двенадцати лет и чувствовала себя там отлично. В деревню возвращаться не собиралась, что она там забыла? Мать ее из своей жизни вычеркнула, когда нового мужа себе завела, Настю забрала бездетная тетка к себе, сестра Настиного отца.

И сейчас бы не поехала, но… сложная там была история, дурацкая. Про такую даже блог снимать не стоит, пока не разберётся окончательно.

– Настя, я устал, – неожиданно заявил Валька. – Долго ещё?

– Валь, да мы сто метров только прошли, – удивилась Настя. – Ты реально отвык ножками ходить, тебе полезно. А то на такси в булочную ездишь.

– О да, – пропыхтел парень. – И сейчас бы поехал, да разве здесь такси есть?

– Нету, – отрезала Настя. – Откуда?

Лет десять назад в Глухаревке из транспорта был только мотоцикл дяди Саши – Урал с коляской, да лошадь, причём без телеги, просто лошадь. Сейчас, возможно, что-то и поменялось, но она в это верила с трудом.

Настя шла бодро, то и дело останавливаясь, чтобы снять птичку или гроздья рябины на голой ветке. Валька тащился где-то сзади, отчаянно страдая и жалея свои ботинки. Хм, в городе с ним было гораздо интереснее. Настя уже жалела, что потащила этого нытика с собой, хотя откровенно говоря, ей было просто страшно ехать в деревню одной. А тут – какой-никакой, а мужчина. Хотя… никакущий, кажется.

Идти и в самом деле было недолго, не больше сорока минут. Заблудиться Настя не боялась, дорога тут была одна.

– И почему станцию не построили поближе к деревне? – ворчал Валька.

– Ну… потому что построили ближе к железной дороге, – философски ответила Настя. – Все, дошли. Вот речка, вот мост. За мостом – Глухаревка.

– Это потому, что места здесь глухие? – блеснул интеллектом Валентин, заметно оживляясь. – Жопа мира, да?

– Нет, здесь лес, где глухари раньше водились, – вздохнула Настя. – Тут ещё не жопа мира, поверь. Вот Некоуз… знаешь, почему его так назвали?

– Без понятия.

– Пришли татары и деревню там тупо не нашли. Некого грабить и в плен брать было. Так и назвали район – Некоуз: некого узить.

– Про это надо сделать сюжет, – обрадовался Валентин. – Люди любят умные слова.

Настя только глаза закатила. Ох, уж эти сюжеты, Валька, наверное, снимать будет даже сидя под кустиком.

2. Теплая встреча

Деревня Насте, как всегда, не понравилась. Грязно, скучно, все серо-чёрное. Ну это и понятно, ноябрь же. Надо было в мае приезжать, да причина вернуться в отчий, так сказать, дом, появилась именно сейчас. Не самая приятная причина, разумеется, а когда они бывают приятные, эти причины?

Валька, конечно, ничего не знал. Ему она наплела о птичках, курочках, кроликах и незабываемом путешествии к истокам цивилизации. Ну а что – лет этой деревне немерено, вон руины храма датируются аж тринадцатым веком. Да, руины тоже оказались аргументом, а о том, что храм был, на минуточку, ещё дальше, чем станция, где-то в районе Николы-Корма, об этом Настя предусмотрительно умолчала, а Валька не уточнил. Расстояние? Ну… на велосипеде часов за шесть можно доехать. Летом. Когда дороги не раскисшие от дождей.

Причина, приведшая в этот затерянный мир прогрессивную девушку-блоггера с последней моделью айфона в рюкзаке (в кредит, разумеется) была немудреная: захотелось взглянуть на бесценную недвижимость, в которой, судя по бумагам, была и Настенькина доля.

Можно сказать, ярое желание посетить места беззаботного детства посетило Настю неделю назад, в тот самый день, когда очень громкий и назойливый стук в дверь поднял ее ни свет ни заря…

***

Вальки рядом не оказалось, пришлось подниматься. И кто ж там такой упертый? Да еще и слепой вдобавок – звонок же имеется!

Глазка на двери у них не было, да и что было воровать в этой квартире?

Незваный гость ломился с таким грохотом, что весь подъезд панельной многоэтажки был уже оповещен о том, что в квартиру номер тринадцать кто-то так жаждет попасть.

– Да иду я, иду, – громко крикнула Настя, спешно натягивая халат и завязывая волосы в хвост. – А дверь, между прочим, не резиновая! Выломаешь – в полиции потом рассказывать будешь, куда спешил.

Ну и кого там черти опять принесли? Опять что ли соседей снизу заливаем?

Распахнула дверь, не боясь: все равно бабка Лена в глазок подглядывает, если что – полицию вызовет очень быстро. На пороге стоял… нет, скорее – стояло. Тело. Весьма вонючее. Качалось, размахивало бумагой и что-то хрипело. Судя по степени небритости тело все же было мужского пола. Глаза краснющие, лицо зеленое – чисто зомби из фильмов ужасов.

– Че тебе надо, дядя? Не наливаю, закусить не предлагаю и не подаю по пятницам. Квартирой ошибся, или подъездом, или даже городом. Вали давай, вон, откуда принес тебя ветер.

– Наська? Похожа на мамку – паскуду свою, – прохрипел зомби весьма угрожающе. – На, подписывай быстро, а то…

И выразительно взмахнул в сторону Насти довольно помятой бумажкой в рваном файле. Она быстро поймала листок, уничтожив на корню сопротивление уверенным “цыком” в сторону гостя. Тот было пытался шагнуть в ее сторону, но твердый хук слева его уронил. Драться Настя любила и умела еще с деревенского детства. Брезгливо толкнув его тапочком, развернула листок.

Это была очень странного содержания не то доверенность, не то отказ от наследства, не то передача прав собственности – в этих бумажках она не разбиралась, но самое настораживающее в ней – адрес дома.

Где находится родительское гнездо, из которого Анастасия так удачно в свое время выпорхнула, она не забыла. Деревня Глухарево, дом двадцать один. Дом ее матери. Что там, черт побери, происходит? Что на звонки мать не отвечает, Настя привыкла. Связь там пло-

хая, к тому же у матушки там личная жизнь бьет ключом да через колено, не до старшенькой, непутевой. Пока все хорошо – сама мать не позвонит. К тому же сейчас не сентябрь. Это мамка в сентябре названивала старшей, просила денег братцу на портфель и тетрадки. Настя перевела, конечно, но немного.

Так, мать у нее, конечно, деревня деревней, но дом продавать? Да с чего бы?

– Э, пенек! Слышь-ка, ты где взял эту гадость?

Она бесстрашно присела рядом с пришельцем, зажав пальцами нос. Уж больно он был ароматен.

– Су-у-у …. Мрази. Урою, убью, – он корчился, дрыгая ногами на кафеле пола подъезда.

– А! Ну этот порыв мне понятен. А конструктивнее, дядя? Мать мою видели давно? Привет какой передавала?

– Сдохните все!

Нда. Не получилось у них задушевного разговора. Интересно, где Валька шляется вообще? Как неприятели вламываются, так нет его, как мусор выносить или мыть посуду – так смылся. Во интуция у пацана, даже завидно! Придется самой. Через лифт, да на улицу, осторожно выставила это чучело. Прислонила к перилам крыльца.

И пошла домой, теперь ей еще отмываться, стирать провонявший халатик и снова бумажку читать. Во дела… Недвижимость.

***

Словом, ехать все же пришлось. Настя, впрочем, отлично придумала, как совместить приятное с полезным. Вот только пока ни приятного, ни полезного не наблюдалось.

За прошедшее десятилетие ничего тут не изменилось, даже кошки, казалось, были те же самые. И собаки брехали по-прежнему звонко и весело. Те же заборы, те же избы стоят покосившиеся. Облупившиеся наличники некогда тонкой работы, почерневшие от времени бревенчатые стены домов. Валька шел за ней следом, оглядываясь по сторонам с видом белого человека, случайно попавшего в тундру. Или потерпевшего авиакатастрофу, не меньше. Посреди девственных деревенских джунглей один несчастный горожанин, а вокруг папуасы и тигры.

Дом свой девушка нашла без труда, улица тут одна, не заблудишься. Отодвинула отвалившуюся калитку, радуясь, что надела резиновые сапоги ещё в электричке. Валька вон не внял голосу разума и теперь ныл, что ноги промокли. Так ему и надо, будет знать, как ее не слушать! Она ведь ему га-ва-ри-ла!

Двор был грязен, мокр и пуст. Развороченная поленница возле сарая, какие-то чумазые куклы на завалинке, трехколесный велосипед без колеса возле забора. Мда, у кого-то тут счастливое детство, прибитые к полу игрушки… Поежилась невольно, дернула за ручку входной двери. Заперто.

Постучалась.

Топот маленьких ножек, звонкое «Кто-тама?»

– Это Настя, – крикнула девушка. – Мама дома? Откройте, свои! Я приехала из города и привезла подарки!

– Ванька велел никому не открывать! – ответил сурово детский голосок.

– А ещё он сказал, что только маньяки подарками детей выманивают, – дополнил второй голос.

Ага, их там двое. Что мать родила близняшек, Настя знала, но это было тогда, когда она уже уехала. С братцем Ванечкой старшая сестра ещё успела понянчиться, и пеленки стирала, и жопку младенческую мыла, а этих вот… как их… даже не видела ни разу. Нахмурилась, пытаясь вспомнить, как зовут сестёр. Одна совершенно точно Аня, а вот вторая? Тоже на «А». Алиса? Анфиса? Аделаида? Ха! Арина, вот.

– Аня, Арина, я ваша сестра Настя, – крикнула девушка. – Честно, я не маньяк.

– Маньяки именно так и говорят! – обрадовались за дверью близняшки.

– Ну не судьба, – театрально вздохнул Валька. – Когда там электричка обратно?

Настя только плечами пожала. Она прекрасно знала, что в дом можно было попасть и через свинарник, пристроенный сзади, со стороны огорода. Свинарник был девственно пуст, а крошечная дверь в дом тоже был заперта на крючок изнутри. Насте все эти было знакомо: не раз и не два она в детстве под утро возвращалась домой вот таким нехитрым способом. Похлопала по карманам, огляделась, вытащила из щели между досок кусок ржавой толстой проволоки. Да, ничегошеньки тут не поменялось. Аккуратно засунула проволоку в дверную щель, подцепила крючок и открыла дверь.

– И вот заветный проход в проклятый старый дом открыт, – прокомментировал ее действия снимавший это безобразие Валька. – Плюс один к навыку взлома, плюс три к харизме. Что же ждёт нашу отважную ассасинку внутри? С какими монстрами ей предстоит сразиться? Узнаем после… ой! Отдай!

Настя вырвала из его рук телефон, молча удалила видеозапись и отключила гаджет насовсем. Нечего тут… компромат на неё собирать. Сунула временно замолчавшую игрушку в руки обиженного Вальки и, наклонившись, протиснулась в крошечный проем. Споткнулась о жестяной таз, нарушив всю конспирацию, громко выругалась матом, потом вспомнила, что дома дети. Сунулась было в комнату, но тут же с визгом отскочила: в лицо ей едва не угодила палка от швабры.

– Ахтунг, Миронов! Нам оказывают сопротивление! Мне нужен щит и оружие!

– У меня только перочинный нож, – растерянно проблеял парень.

– Дай-ка мне тот тазик! И… о, лопата!

Вооружившись тазом и лопатой, Настенька смело ринулась на штурм. Валька в отчаянии тыкал в кнопки телефона, но подлый гаджет включался очень медленно и не дал ему ни одного шанса заснять эту эпическую битву.

Прикрываясь тазиком, словно щитом, с криком размахивая над головой лопатой (чтобы ненароком не задеть девчонок), заскочила в комнату, огляделась. Тишина, только ручка от швабры торчит из-за дивана. Отвела в сторону оружие, вздохнула:

– Девочки, лапушки, я правда ваша сестра Настя. У меня есть паспорт. Лисицина Анастасия Андреевна. Мама-то где?

– А мы все равно читать не умеем, – пискнули из-за дивана. – А мама уехала… надолго. Может быть, навсегда.

– Не понял, а с кем вы тогда живете? – нахмурилась Настя.

– С Ванькой.

– А Ванька где? В школе?

– В магазин убег за хлебом.

– И давно в Глухаревке магазин построили?

– Так он в Пачеболку пошёл. Поехал. На велике.

Из-за дивана показалась лохматая голова, потом ещё одна – точно такая же. Тоже – лохматая. Очевидно, Настя была признана своей.

– А ты подарки привезла? – деловито спросила одна из девчонок. – Конфеты там, мороженное, доллары?

– Э… шоколадка есть. Долларов нет.

– Тоже хорошо, – милостиво согласились близняшки. – Но Ванька шоколад не любит, только деньги.

– Свой пацан, – одобрил Валентин. – Шарит.

Девчонки, обнаружив ещё одного гостя, снова взвизгнули и нырнули за диван.

– Спокойно, свои, – сбросила рюкзак Настя. – Это Валька. Он со мной.

– Как тетя Валя? – уточнила одна из близняшек.

– Ага. Как тетя Валя, только дядя. Все, вылезайте уже, будем чайник ставить.

Сестренки были маленькие и ужасно худые. А ещё волосы у них явно никто не мыл и не причесывал пару недель так точно. Насте это очень не понравилось.

– Ой, а у тебя косички разноцветные, – тут же потянулись к ее волосам грязные детские пальчики с обгрызанными ногтями.

– Это называется канекалон, – просветила их Настя. – Будете хорошо себя вести, и вам такие заплету. Валька, печку растопить сможешь?

– В смысле, растопить? – вытаращил глаза блоггер с претензией на популярность. – Я не умею. Я только в мультике видел… ну в этом… про Вовку в тридевятом царстве.

– Нет, так вот не надо, – засмеялась Настя. – Иди, научу. Хочешь, даже снимать тебя буду?

– А! Ну я попробую.

3. Братец Иванушка

Дрова были сырыми, спичек не было вовсе, нашлась только какая-то зажигалка, похожая на огниво, свечка, связка щепочек и кочерга.

– Сначала проверить заслонки. В русской печке она не одна, видишь эти задвижки чумазые в щелях? Палец в дырку вставляй и вытягивай. Так-то. Ты почти что печник уже, Валька Печкин. Дальше тяни этот щит. Это заслонка. Она закрывает устье. А ты сунул голову свою дурную в чело. Видел? Туда дрова складывают. Сначала их надо поджечь, потом, когда разгорятся – кочергой сдвинешь внутрь и закроешь вот тут.

– А Иванушку Баба Ягу куда там пихала? А печка пекла пироги что, сама? Автоматически? Где тут загрузка ингредиентов?

– Ты взаправду дурень такой или прикидываешься, Вальк? Дрова принеси для начала. Подача топлива тут ручная.

– Ой, Нась, иди в пень. Это руки марать, давай лучше я похожу в теплой куртке.

Сопя, чертыхаясь и громко скрипя зубами она таки приволокла те дрова, и уже через час печка топилась. Трещали дрова, но стало враз веселее и точно теплее. Ноябрь отступил за стены избы, притаился на улице.

Плиту в кухонном закутке Настя трогать не решилась – к ней был подсоединен газовый баллон, с которым она управляться не умела, и чайник поставили в печку. Прямо у самой заслонки.

В доме было ужасно грязно. Настя и в своей-то квартире нечасто полы мыла, а уж в этом свинарнике… Нет, обувь снимать она точно не будет. Вздохнула тяжело, поглядела на чумазых сестричек.

– Арина, покажи дяде Вале, где взять воды. Аня, швабра есть?

– Веник только, – пискнула одна из близняшек.

– Годится.

Подмела пол, начисто вымыла стол, выложила на большую тарелку со сколотым краем привезенные вафли и конфеты. У близняшек загорелись глаза.

– Руки мыть и лицо, потом за стол.

Толкаясь, побежали в сени, едва не опрокинули там ведро. Вернулись чуть более чистые, но все равно – поросята, а не дети. Интересно, сколько им лет? На вид около четырех, но рассуждают почти как подростки. Настя вздохнула, не рискнув больше делать им замечания. Налила чаю из подкопченного чайника, сахара, конечно, не нашла. Села сама на грубо сколоченный табурет, оперлась щекой на руку. На Вальку, потянувшегося было за конфетой, зыркнула так, что он захлебнулся чаем. Закашлялся, тихо шепнув:

– Ведьма!

Девчонки споро делили конфеты на три кучки. Потом поглядели на гостей и с явной неохотой стали считать до пяти.

– Это все вам, – махнула рукой Настя. – Мы с дядей Валей на диете, да, дядя Валя?

– Угу.

Свою долю близняшки смолотили мгновенно и крошки от вафель подобрали. Оставшуюся треть накрыли салфеткой.

– А ты про подарки, что там говорила? – деловито спросила одна малышка.

– А вот сначала я тебе косички заплету, а потом – подарки. Расческа есть?

Спустя четверть часа в дверь застучали громко и весело:

– Открывайте, девки, ваша братка пришла и сосисок принесла.

– Ой, Ванька! – дернулась было Аринка, но из цепких рук сестры вырваться не сумела.

Анютка же помчалась открывать засов.

В дом вошел мальчик, худенький, с серьезными глазами и бледным лицом. Тоже – вихрастый.

– Эт-та что еще за шлендра? – возмущенно спросил он, узрев, наконец, Настю.

Не заметить ее было трудно. Посередине небольшой комнаты стоял табурет, на котором важно восседала Арина – с одной заплетенной косичкой. Другую старшая сестра как раз ей плела.

– Эт-та что еще за грубиян? – в тон ему ответила девушка, весело щурясь.

– Я-то тут хозяин, а ты кто такая?

– Я, Ванечка, сестра твоя. Старшая. Настя.

– Ну ни…я себе заявочки, – вытаращил глаза пацан, швыряя на чистый стол замызганный рваный пакет. – Откуда нарисовалась?

– Матом не ругайся, мальчик, здесь дети, – сделал ему замечание скучающий Валька, примостившийся на продавленном диване.

– Ты что ли ребенок тут? – сплюнул Ванька злобно и снова уставился на сестру. – Так я не понял, ты чего приперлась?

– Во-первых, здравствуй, Ваня, как у тебя дела как учеба? – усмехнулась Настя, завязывая резинку на косичке Арины. – А во-вторых, мама у нас где? Я так и не поняла.

Ванька внезапно нахмурился, покосился на близняшек – умытых и красиво заплетенных, окинул хозяйским взглядом чистый стол, чайник и четыре чашки на нем и тяжко, совершенно по-стариковски, вздохнул.

– Пойдем, сестренка, я тебе покажу, где воду брать, – кивнул он.

Настя тут же всё поняла, накинула куртку и вышла вслед за ним. Валька тоже сообразил, словно фокусник извлекая из рюкзака подруги двух китайских пластиковых “Барби”, купленных в последний момент в привокзальном киоске. Громкий восторженный визг – и близняшки мгновенно забыли и про брата, и про старшую сестру.

Настя оглядела мальчишку: куртка какая-то рваная, явно с чужого плеча, давно не стриженные волосы, царапина на щеке. И взгляд такой взрослый, сердитый.

– Ну? – нетерпеливо спросила она. – Так мать-то где?

– А на кладбище.

– И чего она туда пошла? Время позднее, что там сейчас делать?– поинтересовалась девушка, предчувствуя, что ответ ей не понравится.

– Не пошла, а отнесли. Померла она, еще в конце сентября. Только девкам не сболтни, они реветь будут. Я сказал, что мамка в город уехала на работу.

Он был совершенно спокоен, словно рассказывал о потере галоши или погоде плохой.

– То есть как в конце сентября? А как же вы живете тут?

Ноги у Насти предательски подкосились. Она побледнела, впервые в ее жизни смерть подходила так близко.

– Молча. Нормально живем, тебя ужно точно не звали.

– А… взрослые?

– Ты про Игоряшу что ли? Так я его выгнал. Толку от него… всё пропил, даже загнал металлистам наш старенький бак из бани. Хотел вон дом продать, так я ему пригрозил, что ночью ему в ухо яду крысиного налью. Чтобы сдох, и никто не понял, отчего.

– Какой образованный мальчик, – невпопад прошептала Настя. – Шекспира читал, да? Молодец.

– Угу. Так ты-то что от нас захотела?

– Игорь – это такой вот… зеленый и заросший… – она обрисовала руками неуклюжую фигуру своего недавнего зомби-гостя. – Он ко мне приходил. Хотел, чтобы я от своей доли на дом отказалась.

– Ага! – торжествующе воскликнул Ванька. – Так я и знал! Ты тоже избу продать хочешь! А нас в детдом, да?

– Не дури, твоя изба стоит копейки, – поморщилась Настя. – За оформление документов больше заплатить нужно, чем можно за нее выручить. Мне непонятно, Ваня, почему мне про маму не сообщили?

– А ты кто такая?

– Вообще-то сестра твоя старшая.

– Ничего не знаю, первый раз тебя вижу.

– Да я тебе, засранцу, жопу мелкому мыла! И на первое сентября денег присылала на ранец и тетради! И вообще, я тоже на минутку наследница!

– А! Вот спасибоньки-то, ты, значит, и виноватая, что мать померла! Я-то думал, откуда она денег на выпивку все берет? А это добрая доченька присылает! На-следница.

– Так она пила? – слова ей давались с трудом, слезы вдруг в горло полезли, пришлось отворачиваться.

– С тех пор, как батя наш сгинул. Ну, а тут как-то круто она напилась на годовщину его… как пропал он. В канаве валялась всю ночь под дождем. Простыла и того… А телефон ее Игоряша продал сразу же, мне тебе куда звонить, на деревню дедушке?

Настя сглотнула, пряча слезы. Мать она не знала, не любила, не видела ее девять лет, но все равно – осиротела. И Ваня прав – тут ее вина не маленькая. Потянулась к брату, хотела обнять его, но он отскочил в сторону, глядя почти что с ужасом.

– Руки! – выкрикнул он. – Чего тебе от нас надо? Вали в свой город!

– Так, Ваня, не сегодня, – небо стремительно темнело. – Давай утром поговорим. А пока включи мне плиту, пожалуйста, там газовый баллон, я не умею. Картошки пожарю на ужин.

Они вошли в дом очень тихо и молча. Ванька тут же затопал по дому подчеркнуто-громко, будто мужик настоящий. Пытался говорить низким голосом, пуская вовсю петухов и закашливаясь.

Поковырялся с баллоном, плиту подключил, рыкнув на Настю, чтоб газ экономила.

Та только испуганно покосилась на него, осторожно качнув старый и ржавый агрегат.

А ты думала, дорогуша, тут коттедж с удобствами? Ага, щаз. Ванька еще помнил времена, когда дом был чистым и комфортным. И телик был, и плита хорошая… которую потом пропили. Эту дачники выкинули, Ванька и приволок. Одна конфорка работала, им и хватало. Непутевая девка подходила к плите со сковородкой в руках, как к яме с чудовищами. Чуть не на цыпочках. Видимо, собиралась отбиваться от этой рухляди.

Ванька ухмыльнулся самодовольно: он так и знал, что эта вот дурища городская (а что дурища – так по ней сразу видно, где это видано, что взрослая баба с разноцветными волосами ходит?) ни на что не способна. И чего приехала, он прямо чуял, что только проблемы от нее будут. Да еще не одна приперлась, а с хахалем. Тоже дурачок: все в телефоне своем сидит и ржет сам с собой. Плиту фоткает, печь фоткает, как девчонки картошку чистят, фоткает. В другое время Ванька бы им помог, потому что мелкие еще, нож криво держат и вообще как улитки, но если этот вон “мужик” старше его по годам ничего не делает, так и Ванька не будет. Пусть городская работает, ей полезно.

Спать их еще укладывай. Где ему столько одеял найти? Ладно, близняшки на печке пусть спят, как всегда, только их вместо одеял он куртками старыми накроет, да пусть оденутся потеплее, чтобы к утру не задубеть. А он сам на полу ляжет в кухне, хотя обычно на диване спал.

Так уж и быть, гостям всё лучшее. Даже диван попробует разложить, главное, не ляпнуть, что мамка на нем и померла. Хотя очень хочется, но как-то он подозревает, что перебор выйдет. На самом деле мать, конечно, в больнице умерла, он сам ей скорую вызвал, чтобы девчонок не пугать, но шутка вышла бы смешная. Только тогда, поди, Наська слиняет, а ему это пока

не нужно. Рано еще сеструхе уезжать, у нее поди деньги имеются. Да и картошку она жарит просто очешуительную.

Вместе с городским этим дурнем бессильным с трудом разложили диван. Наверное, древний диван удивился. Он поди и не помнил подобного обращения.

Нашел нежданным незваным гостям две последние чистые простыни, буквально от сердца оторвал: со стиркой тут тоже были проблемы. Стиральную машинку сожитель их матери тоже продал уже очень давно.

Легли. Шушукаются.

Девки засопели мгновенно, им тепло и сладко сегодня. Ванька уже давно научился слышать по их дыханию и настроение сестер, и даже состояние здоровья. Сегодня они счастливы. Кукол своих новых в руках сжимали. За кукол, конечно, Наське спасибо.

Эти все ворочаются, шепчутся, тьфу. Прислушался.

– Насть, ну спят же все, давай!

– Валька, ты совсем идиот? Я так не могу!

– У меня есть с собой…

– Да мне насрать, Миронов, руки убрал! Сейчас я тебя на пол столкну, понял?

– Ты меня совсем не любишь, да?

– А ты меня?

Ха-ха, обломился пельмень городской, Наська гладко его как послала. И правильно, нефиг тут. И с этой сладкой мыслью Ванька заснул.

4. Война объявлена

Утром городская дурища снова попыталась Ванькой командовать: требовала, чтобы он печку растопил и воды принес им с колонки. Ага, шиш ей с маслом, пусть ее хахаль корячится, что он, безрукий что ли? А Ваньке вон надо… в школу, ага. Демонстративно собрал в рваный пакет какие-то тетрадки, сунул в карман ручку и сбежал. На самом деле в школу Ванька ходил недели две только, а потом мать заболела, некогда было. Хорошо ещё, девчонки не особо поняли, что происходит. Тепло было, он их уводил в лес за грибами да во двор гулять отправлял.

Ни в какую школу Ваня, конечно, не пошёл. Некогда ему. Тетрадки за забором под ведром оставил, украдут – не жалко. Сам к бабке Маше – ещё вчера она просила ей дров наколоть, за это она молока литра три нальет. Потом к Гришиным, они свинью кололи на днях, обещали немного мяса дать и костей на суп. Ещё в лес бы, сухостоя принести надо. Дров на зиму Ваньке купить было не на что, а жечь оставалось только разве что мебель. В общем, какая там школа? Читать он умеет и ладно. А хорошо бы Настя счета за электричество оплатила, отключат ведь – и как зимой жить? Темно и скучно.

Только вот неспроста сеструха явилась, эти городские вообще просто так не приезжают. Как пить дать – сдаст их в детдом и избушку продаст. За себя Ванька не опасался, а близняшек было очень жаль. Им уже пять лет, таких никто не удочерит, большие. А как живут в детских домах, Ванька по телику видел, когда у них ещё телик был, да и папка рассказывал многое.

А и ладно. Придёт беда, тогда и думать будет, а пока главное – дрова.

***

Валька на Настю страшно обиделся. Как же – отказала ему ночью. И как дураку объяснить, что не может она вот так, дети же. И душа нет. Негигиенично. К тому же нервы – шутка ли, такая дурная ситуация. У нее мать умерла. Не кошка подъездная. Нет бы помощи предложил или совет дал, да даже просто – посочувствовал, так вздумал руки распускать, придурок озабоченный.

Что толку от Вальки в хозяйстве нет – было понятно сразу. Он ничего не умел и, главное, не хотел делать. Только снимал чего-то и ныл, что интернета тут нет, Настя его жестоко обманула.

А Настя была в полной растерянности. Как быть, она не знала. Позвонила даже тетке своей, сестре отца, с которой была вполне в дружеских отношениях. Тетка посочувствовала и посоветовала вызвать опеку. Уж лучше в детдом, чем зимой насмерть замерзнуть. Наверное да, лучше. Но как так, есть ведь она, Настя. Здоровая девка с двумя руками и ногами. Ладно, придумает что-нибудь. А пока стоило, наверное, начать с проблем поменьше: например, разобраться с припасами и приготовить обед. Ваня вчера принёс хлеба и сосисок, в шкафу нашлась пыльная банка фасоли, чудом уцелевшая. Даже срок годности ещё не вышел. Что ж, это лучше, чем ничего.

Готовила Настя неважно, она все же была не кулинарным блоггером. Но суп сварить – много ума не нужно. Она и дома таким иногда питалась: быстро и дёшево. Сначала картошку с морковкой, потом лук кубиками (нет, жарить не будет, в печке неудобно, а к плите этой кошмарной она сама ни за что не подойдёт), потом банку фасоли в томате и три сосиски туда же покрошить. Полчаса – и суп готов. Не щи, конечно, и не борщ, но вполне съедобно.

Вынула кастрюлю из печки, задумалась. Дети живут тут как в хлеву и давно. Детям нужно немного праздника.

– Девочки, а скатерть есть у вас… у нас? – спросила она у близняшек.

– Есть, – закивала Арина. Настя уже немного их различала. Аня была более робкой и тихой. – На полке в шкафу.

Девочка быстро залезла на табурет, распахнула дверцы шкафа (опасно балансируя на цыпочках) и сдернула с полки сложенную белую ткань.

Настя развернула, кивнула довольно: вполне приличная скатерть. Немного с пятнами, ну ничего, тарелками закроется. Девчонки вырвали у неё скатерть и мгновенно постелили на стол: кривовато, но разве важно?

Как раз вернулся братец, как чувствовал: ровно к обеду. Снова чумазый, с кучей палок в охапке.

– Ванька, обедать, – зычно рявкнула она в сторону окна.

Красиво: белая поверхность, оранжевый суп в тарелках, толстые и неровные куски хлеба, солонка, ложки.

– Валь, а сфоткай этот натюрморт и выкинь в инсту, типа обед по-деревенски.

Анечка и Аринка уже забрались на свои табуретки, с любопытством заглядывая в тарелки и радуясь кружочкам сосисок. Ванька вошёл в дом степенно, вразвалочку, вымыл руки и долго их вытирал – явно для того, чтобы позлить старшую сестру.

Сел в свой угол. Обвел суровым взглядом стол. Заглянул в тарелку и сморщил нос:

– Что это за гадость? Отравить меня решила ради наследства?

– Слышь ты, чучело, – прикрикнула на брата Настя. – Жри чо дали и не выпендривайся.

– Готовить научись, – буркнул Ванька, демонстративно переворачивая тарелку и выливая суп на пол. – И пол помой, женщина. Грязно.

Настя такого оскорбления стерпеть не могла, молча схватила тарелку Анечки и надела на голову мелкому нахалу. Ах, как он заорал!

– Помыться не забудь, ты испачкался, – ехидно сказала она и обернулась к близняшкам. – Кому-то ещё не нравится Настин суп?

Девочки синхронно помотали головами и схватились за ложки. Правда, есть им пришлось теперь из одной тарелки, но это их совершенно не смущало.

– Стоп, снято! – весело выкрикнул из своего угла Валька.

Зря он это сделал, поскольку Иван был очень зол. Бить девчонок, даже и старших сестёр, ему все же не позволяло воспитание, а вот швырнуть ложкой в хахаля сеструхи было можно. Что он и сделал.

– Эй, эй, полегче! – со смехом уклонился Валентин. – Какая экспрессия, какие наполеоновские замашки! Снимаю, конечно же, снимаю!

Насте очень захотелось своему парню дать в лоб. Она догадывалась, что все снятое будет непременно выложено в интернет. Ванька ее опередил: слетел с табуретки, словно взбесившийся петух, тут же поскользнулся на разлитом супе, уцепился за скатерть, которую с такой любовью стелили сестрички, своротил все тарелки с грохотом. Упал под стол.

Валентин хохотал так заливисто, что следом неуверенно захихикали и близняшки. Настя тоже широко улыбнулась и заявила:

– Что ж, обед закончен. Вань, уберешь тут все. Аня, Арина – скатерть стирать. Валь, убери телефон, пока я его в печке не сожгла.

– Рукописи не горят! – патетически заявил юный папарацци.

– Зато отлично горят айфоны, – булькнул из-под стола Ванька и вдруг тоже заржал. – Я ж говорил, что твой суп опасен для жизни!

Дурдом!

Не желая продолжать скандал, Настя вышла на улицу, на ходу накидывая пальто. Молча уставилась на небо, покосившийся забор и поломанную яблоню возле него. Или не яблоню. Или сливу. А может даже и вишню. Валька, вышедший следом, привычно обнял свою девушку за плечи, нежно и щекотно поцеловал за ухом.

– Насть, а давай сбежим? – вкрадчиво шепнул он. – Справлялись же они сами как-то, и теперь справятся.

– Миронов, ты рехнулся? – удивленно обернулась Настя. – Они ж дети. У них ни денег, ни мозгов. Зимой замерзнут насмерть!

– А мы с тобой не можем тут жить, пойми. Тут интернета нет почти, работы тоже нет. Туалет на улице, Насть. Я на такое не подписывался.

– Валька, так давай их в город заберем. Я опеку оформлю. Ваню в школу, близняшек в садик. Проживем.

– Насть, ты рехнулась? В съемную однушку – этих? Куда? Да и зачем? В детдоме им лучше будет, там кормят и льготы потом при поступлении, стипендия социальная. Какие нам дети, Настя, нам их не прокормить просто!

– В детдом? Не позволю! – Настя вырвалась из цепких рук парня, обернулась и гневно на него посмотрела. – Это моя семья, Валька! Я так не могу!

– А я думал, что мы с тобой почти семья, – нахмурил брови парень. – Жили же вместе, неплохо ведь жили, Насть ну зачем тебе все это, брось. Сделаем вид, что нас тут и не было вовсе.

– А дети?

– Ты им всем ничего не должна. Ты не просила их рожать. К тому же опека тебе все равно их не отдаст. Будем их навещать. Даже на выходные брать… иногда.

– То есть, или ты – или они? – прищурилась девушка. – Я правильно поняла?

– Догадалась.

– Сам до станции дорогу найдёшь, или Ваньку попросить проводить?

– Дурища ты деревенская. Рожу отмыла, а мозгов так и не нажила. Сколько в городе не живете такие, а все подзаборные.

– Проваливай.

– Я твои вещи тетке отвезу, – наконец, придумал ответ Валентин. – Все, пока. Оставайся тут сама… со своими пархатыми. И я сейчас не о свиньях, чтоб ты понимала!

Да и хрен с тобой, золотая рыбка, одним ртом меньше.

– Денег мне оставь, – крикнула вслед демонстративно вскинувшему рюкзак парню. – Я за квартиру залог вносила, восемь тысяч рублей.

– Ну ты и меркантильная, – скривился Валька. Похлопал по карманам, нашёл кошелёк. Вынул две синенькие бумажки. – Больше нету. Скину на карту, когда в городе буду.

Настя без малейших угрызений совести вырвала у него деньги. Ей нужнее. К тому же Вальке родители помогали, а она давно уже сама работала.

Вернулась молча в дом, устало опустилась на табурет. Суп с пола был убран не слишком старательно, но все же. Девчонки играли на печке с куклами. Ванька шуршал в кухне. На середине стола лежала пачка мятых бумажек. Заглянула и едва не заплакала: квитанции за свет. Конечно, с долгами. Судя по сумме – за год, не меньше. Ну и во что она ввязалась?

5. Неожиданные гости

– Всем привет, с вами Стася Ли и ее репортаж о жизни российской деревни. Вы не поверите, но мы находимся всего в трехстах километрах от Москвы. На сегодняшний день в моем деревенском доме имеется печь – одна штука. Кирпич в дымоходе – неизвестно сколько штук. Маленькая девочка пяти лет – две штуки, братец-полный-придурок одиннадцати лет – одна штука. А ещё у меня есть счета за электричество, пустой газовый баллон и резиновые сапоги с дырой. Дамы и господа, делаем ставки, какой смертью я умру: от голода, от холода, от крысиного яда в ухо!

Шутка, конечно… хотя нет, не шутка. А сегодня нас ждёт разделка настоящей курицы. Да, прямо с головой. Скорее всего, она ворованная, но ей это уже не важно…

Одно было хорошо во всей этой истории: придурок Валька, вернувшись в город, выложил несколько деревенских обзоров, которые набрали очень даже прилично просмотров и лайков. Ещё немного – и их канал действительно будет приносить деньги. И самое классное – оформлен он был на Настю, и карта к нему была привязана Настина. И вот теперь она сквозь слёзы и сопли улыбалась и снимала очередной постапокалиптический репортаж. Будет связь – выложит.

Как же ей было страшно! Все больше хотелось сбежать, спрятаться. Нужно было подписать это несчастное согласие на продажу дома и забыть обо всем, как о страшном сне. Она себя за эти мысли ругала – как так, она взрослая девка, и ноет. А дети? Как они одни выживали?

Дохлая щуплая курица в перьях, с головой и страшными лапами лежала перед ней на столе. Настя потыкала в неё пальцем и заплакала. Тихо-тихо, чтобы Ванька и девочки не услышали. Сама мысль о том, что ей придётся эту тварь трогать руками, девушку просто убивала. Похоронить бы птичку… но другой еды в доме не было. И деньги закончились, а ведь прошло всего две недели с тех пор, как она сюда приехала.

Громкий стук в дверь прервал ее невеселые размышления. Дернулась, вспомнив предупреждение соседки – а ну как опека? Хотя какая опека в десятом часу ночи? В такое время только маньяки и гуляют – Настя вспомнила, как ее встречали сестренки, и усмехнулась. Палка от швабры да жестяной таз с дырой – вот и все ее оружие. Хорошо, что девочки уже спят. Чумазые, уставшие они ерзали на диване, метались в своих детских снах.

Стук повторился.

– Кого принесло еще?

– Эмм… Мне бы Василия Сергеевича. Как его… Шапкина. Кажется.

– Нет тут такого и не было!

За дверью воцарилось молчание. Дождь со снегом лупил прямо в окна, ветер усиливался, кидая дым из печной трубы прямо в избу обратно, сырые дрова не горели.

– Был он тут.

Ваня вдруг появился, как из-под земли, прошлепал босыми ногами по ледяному и грязному полу к двери. Под диваном он прятался, что ли?

– Вы кто такое будете? Я его сын.

– Ваня? Я друг его. Помнишь? Дядя Влад на большой машине, у меня колесо в хлам и все разрядилось. СОС, короче.

Настя только хлопала глазами, со стыдом понимая, что даже фамилии этих детей не знает. С их отцом была знакома едва. И помнила только, что был участковым. И еще – что его ненавидела. А за что – хоть убейте, не помнила.

Ваня, молча сопя, открыл дверь. На пороге стоял… ох! Громадный мужик, просто монстр. В камуфляжном костюме, мокрый, как мышь из лужи (ха! Скорее, как бегемот).

Ваня минуту смотрел на него, кивнул, приглашая.

– Входите, дверь закрывайте, у нас Наська печку сломала и холодно.

Этот гигант сделал шаг, заходя в их избушку, и места сразу же стало меньше.

Он молча оглядел все вокруг и нахмурился. Рукой протер короткие темные мокрые волосы, отбросив назад капюшон, позволяя себя разглядеть. Рядом с ним Ванька выглядел просто крохотным клопиком.

Гость вдруг присел с ним рядом на корточки и, заглядывая в лицо, тихо и очень строго спросил:

– Вань, что у вас тут стряслось? Меня давно не было, что-то случилось серьезное?

Мальчишка вдруг всхлипнул.

– А вы кто такой, его спрашивать? Вломились тут. Расселись. Я знать вас не знаю, полицию вызвать?

Настя старалась звучать по воинственнее. Но заплаканное лицо и уставший вид девушки не обманули бы даже Ваню.

– Я Владимир Михайлович Беринг. Вызывайте полицию, они меня знают отлично. А вот вам, как мне кажется, их визит может совсем не понравится. Ваня, ты мне не ответил. Кстати, кто эта девочка?

– Три года вы не были. Папка вскоре пропал, мамка… – он быстро покосился на спавших сестер и продолжил шепотом, – померла мамка недавно, а эта – Наська приперлась и строит тут из себя. Дом наш хочет к рукам прибрать, видимо. Шлендра залетная.

– Ах ты! – она было кинулась с кулаками на мелкого, но была поймана на подлете.

– Настенька, значит.

Гигант ухватил ее за руку. А она замерла, ошарашенно хлопая глазами, разглядывая размер его рук. Ничего себе. Если захочет, и шею свернет – просто чисто случайно, слегка промахнувшись. Осторожно и медленно вынула руку из хватки. Он не удерживал, смотря на нее очень внимательно, все также продолжая сидеть рядом на корточках.

Красивый, если так можно вообще говорить о гигантах. Крупные черты лица, нос с горбинкой, тяжелая челюсть, твердая линия рта. Темные, широко расставленные глаза. Сколько лет ему? Совсем не старый.

– Анастасия Лисицына. Их старшая сестра. По матери. И вот я – вас не помню.

– Паспорт с собой у тебя?

Она аж поперхнулась от наглости. Ваня смотрел на нее очень ехидно, внезапно обзаведясь этим странным защитником.

– А у вас? Кстати Беринг – это ник или псевдоним? Витус, надеюсь?

Он вздохнул, вынимая из нагрудного кармана мокрой куртки толстый полиэтиленовый чехол и выуживая из него книжку паспорта.

– Предлагаю обмен. Я показываю тебе свой паспорт, ты – смотришь на мой. На счет три? Вань, поставь пока чайник.

Ну и наглец! Уже чайники ставит. Молча встала, обошла эту тушу, подойдя к ряду гвоздиков на стене, покопалась в карманах куртки, достала свой паспорт. Чехол весь в лисичках и елочках. Эх, счастливая и беззаботная жизнь городская, прощай…

Молча по счету они обменялись документами.

И правда, он – Беринг. Восьмого августа родился, старше ее на восемь лет. Не женат, родом из Питера. Симпатичное фото. Подняла взгляд на гостя, смотревшего так насмешливо. Протянула паспорт, забрала свой.

– Самое романтичное из всех знакомств в моей жизни, не правда ли, Настенька?

– Есть у нас нечего. Печка не топлена, и спать негде. Если вам нравится – заходите. И переодеть мне вас не во что. Есть только чай. Без сахара.

Она горько вздохнула, все произошедшее за последние дня вдруг опять накатилось как асфальтоукладчик.

Поймала опять на себе его взгляд темных глаз. Разрез интересный: чуть раскосый, немного русалочий. Интересно, в роду у этого Беринга не было алеутов? О чем это она?

– Значит, пускаете? Вань, помоги мне. Принесем кое-что из машины, я с пустыми руками в гости не хожу, даже если внезапно.

Мальчишка скоренько сунул ноги в огромные сапоги и накинул на плечи нечто серое и очень драное. Настя только сейчас поняла: это старая куртка отцовская, зимняя форма полиции. Вытертая просто до дыр и грязная уже невозможно. Надо же, как все не просто в мире Ваньки.

В окна блеснули яркие фары-противотуманки, и, судя по их размеру, машина у Беринга тоже была – под стать хозяину.

Спустя минут десять в дверь ввалился Ванька, возбужденный и даже счастливый. С целой коробкой тушенки, какими-то пакетами из зеркального пластика, термосом, несколькими буханками хлеба.

– Вы что, зимовать тут собрались?

Настя злилась. Им кидали подачку? Да пошел он! Сжала вдруг кулаки, решительно идя к входу. Задаст она им!

Проще было пытаться останавливать поезд на полном ходу. Нет, он ее не размазал по шпалам, конечно, просто не обратил внимания на ее гневный порыв. Она только воздуху в легкие набирала, как он перебил.

– Настенька, считайте это платой за постой. Остатки экспедиционных пайков, мне их девать больше некуда, а вам, – он выразительно обвел взглядом дом их и стол, – это понадобится. Уж простите за самоуправство, но в дальше тушёнку с галетами я не повезу.

Резонно, практично. И вежливо. Оставалось пожать лишь плечами и сойти тихо со сцены. Мужик пришел – пусть разгребает. Раз хочет.

Уже спустя полчаса сытые дети (а Ванька, конечно, сестер разбудил) сидели за столом, пили чай и наперебой Владу жаловались на жизнь. Не сестре – незнакомому дядьке. Почти незнакомому. Тот внимательно слушал, подкладывая дрова в печку, кивал головой, улыбался, расспрашивал. И злиться на него сил не было – совершенно. Насте было уже все равно, как жить завтра. Этот гость уже утром уедет, а она будет думать, что делать и как дальше плыть. С этими мыслями Настя заснула, подперев щеку рукой, прямо за столом.

Проснулась от легкого, но настойчивого прикосновения к ее плечу.

Открыла глаза все еще не понимая, где она, почему, что случилось. Грязные стены, некогда оклеенные веселенькими обоями, грязный пол, потолок закопченный и низкий. Тяжелый запах сырости и запустения. Тусклая лампочка в черном патроне на проводе.

Она вдруг вспомнила этот дом до отъезда. Все было не так!

Мать была, может, женщиной и с причудами, но порядок в доме держала практически операционный. Все вечно скребла и мыла, оттого ее руки очень рано стали похожи на старушечьи. Как так случилось, что все разом рухнуло?

Она же не унывала, когда ушел Настин отец. Да он и не приходил, если честно: художник и дачная его любовь. Пришел – ушел, а после и вовсе уехал жить за границу, в Голландию. И ничего, Настя росла если и не в шоколаде, но точно – не так. Сломалась? Кто теперь ей расскажет? Лежит ее мама на кладбище, и никто ей не помог.

– Настенька, вы меня слышите? Идите ложитесь. Я в машину уйду, ждал пока печка догорит, задвижки все закрыл, дом не выхолодится.

От нахлынувших на сонную голову мыслей она вдруг заплакала. Большая мужская рука, придерживавшая ее плечо дрогнула, приобняла. Стало только хуже. Слезы непрошено полились целым потоком.

Сама не заметила как, но внезапно она оказалась так близко к мужчине, уткнувшись в широченную и очень уютную теплую грудь. На затылке большая рука, осторожно поглаживающая волосы.

Так вот, в слезах и соплях она ему все и выложила. Про серую жизнь свою, про Вальку, про тетку, квартиру и институт. Про вот этих детишек, свалившихся на ее бедную рыжую голову. Которых оставить нельзя ей никак, и бросить совсем невозможно. И про мать, которая предательски так сбежала, сломавшись и струсив. Осталась Настя одна одинешенька, что делать – не понимает. И ей очень страшно. А соседка сказала, что завтра придут из опеки. Это провал. У нее нет работы и денег, она сестра им всем только по матери, даже фамилии разные. Детей заберут однозначно.

Она выла и всхлипывала, под конец едва ли не взобравшись гостю на ручки. Он молча обнимал ее, гладил и внушал Насте надежду. Просто на то, что есть выход. Ни слова ей не сказав.

6. Предложение, от которого нельзя отказаться

Беринг протянул ей бумажный платок, Настя уставилась, не понимая. Вздохнул, сам вытер ей сопли и слезы. Двумя пальцами поднял навстречу себе Настино красное и жутко опухшее лицо.

– Послушайте. Непоправима одна только смерть. Остальное – задачи рабочие.

– Вам легко говорить! Вы утром уедете домой, туда, в Питер, а мы тут останемся.

Она совершенно не имела никакого права ему так говорить. Кто он? Просто прохожий… Немножко ее пожалел, и спасибо. Настя прекрасно все понимала, но сделать с собой ничего не могла.

– У меня есть предложение.

Он словно задумался, продолжая смотреть ей в глаза, взяв в захват лицо девушки уже двумя ладонями.

– Оно вам покажется странным, но это все, что я могу для вас сделать. А вы – для меня. Взаимовыгодный вариант.

Улыбнулся чему-то, блеснув своими необычными, чуть раскосыми глазами, отпустил, отодвинулся.

– Мне нужна срочно жена. Официальная, фиктивный брак, если хотите. Очень быстро, настолько, что я как раз думал спросить Васю, то есть пропавшего супруга вашей матушки, нет ли кого на примете из местных.

– Зачем? – прошептала едва слышно, охрипнув от слез.

– Собственно, это неважно, наверное?

– Я хочу знать.

Спорить с заплаканной женщиной было бессмысленно.

И еще битый час он рассказывал, излагая все сложные хитросплетения мира науки, помноженные на культурные сдвиги востока. Да, ему очень нужно возглавить именно этот проект. Да, его забраковали лишь только по странной причине – в анкете не указал семейное положение. И намекнули совсем непрозрачно – бобыль-одиночка категорически на роль эту не подходит.

Настя не очень и слушала. Старалась почувствовать, где ей лжет этот мужчина. Кожей всей ощущала – он лжет. Точнее – недоговаривает.

– А мне зачем все это нужно?

Выдавила из себя, все уже быстро поняв. Да, это – единственный шанс если не решить все вопросы, то хотя бы притормозить неизбежное.

– Человек я довольно известный, публичный и вполне состоятельный. Если я возьму на себя обязательства – вас не тронут. Я буду вас обеспечивать, позабочусь о решении самых насущных проблем. Но у меня есть условия.

Быстрая череда мыслей пронеслась в голове у Насти. Чего может еще захотеть этот странный? Секс-услуги, домработница, кухарка? Да ей уже разницы нет никакой все равно.

– Я вас слушаю.

– Перед оформлением брака официального мы с тобой заключим договор, на бумаге. Сроком ровно на год. Все это время вы все проживаете вместе со мной в заповеднике. Это важно. И полное неразглашение всего, что увидите: секретность. Обязательства, мне кажется, не слишком обременительные, к тому же двухсторонние. По окончанию договора ты будешь вольна или его продлить, или расторгнуть.

– Вместе с браком?

– На твое усмотрение, на тот момент мне это будет уже не принципиально.

Он был очень спокоен, сосредоточен и строг. Крутил в руках невесть откуда взявшийся карандаш и равнодушно смотрел в черноту ноябрьской ночи за окном.

– Можно вопрос?

Посмотрел, выгнув густую и черную бровь вопросительно.

– Почему вы до сих пор не женаты? Своих детей тоже нет? Ориентация может не та? Я хочу знать правду, у меня дети.

Он усмехнулся, сломав карандаш в пальцах. Легко так сломал, будто травинку согнул.

– Дети, те что пока вон на печке сопят, вовсе и не твои. И не спорь. А что касается меня… Ты понимаешь, что такое ученый-зоолог? Зоогеограф, полевик и фанатик. Кому нужен муж, одиннадцать месяцев из двенадцати проводящий в тайге, на маршрутах, заимках и вырубках? Какой во мне интерес? В квартире меня не удержишь. Город мне скучен. Есть дело жизни, есть страсть к познанию, есть наука. Ты сама бы смогла разве рядом с таким вот ненормальным, как я? Ну как, доходчиво я ответил?

Таких людей она живьем еще ни разу не видела. Повеяло от него чем-то этаким, древним. Папаниными и Седовыми, Амудсенами вместе Нансенами. Про них всех она еще в детстве читала, поселившись в деревенской библиотеке, когда мамка вдруг замуж ее собралась.

Библиотекарша тетя Зоя женщиной была ласковой, кормила Настю пирожками и бубликами, чаем поила. Так она всю библиотеку приключений там и перечитала.

А теперь перед ней сидел тот самый герой – клинический, неизлечимый романтик. Племя давно вымирающее. Практически мамонт.

И почему она верила ему теперь? Смотрела прямо в глаза и верила. Спокойный, уверенный, добродушный. Сильный.

– Я согласен!

Настя вздрогнула всем телом, быстро оглянувшись на голос.

Ванька в трусах и фуфайке стоит на ледяном полу, перетаптывается с ноги на ногу.

– Дядя Влад, я согласен! Если дура эта набитая городская не сподобится, так и ну ее! Пусть себе катится обратно, мы ее не звали. Ей только и надо от нас, что наследство мамкино. Заберите нас в свой заповедник, пожалуйста! Я много умею чего, буду во всем помогать, не то что эта…

Легкий щелчок-подзатыльник прилетел очень быстро.

– Так, Иван. В моем присутствии о женщинах – как о покойниках. Или хорошо или никак. Особенно – вот об этой. Ты понял? Кругом, шагом марш!

– Но я… Ну, пожалуйста! Вы же были другом нашего папки!

– Марш! Мы разговариваем. И без согласия Насти я делать не буду вообще ничего, слышишь?

Нечленораздельно, но вполне себе слышно Ваня выругался совсем не по-детски, шлепая босыми ногами по грязному полу.

– Как вы его… у меня так не выйдет.

Влад развернулся к ней, снова глядя очень серьезно.

– Вот что, Настенька. Давайте сегодня закончим этот непростой разговор. Вам надо подумать, все очень внезапно. И не только для вас, уверяю. Но я уже очень давно не верю в случайности, знаете ли, работа такая. Пробитое это мое колесо, разрядившийся навигатор… Может, это судьба? Просто подумайте. С вашего позволения я тут побуду еще один день. Дам вам его на размышление и решу кое-какие свои вопросы. Не выгоните?

– Мне… спать тут негде.

– Я в машине привык ночевать. Утром вернусь?

Молча кивнула. Мозг распух и стучал неприятно. Барабанная дробь в висках и дрожащие руки. Как все странно! Но человек этот прав: другого выхода она тоже не видит. Или… все бросить, оставить детей, сделать вид, что не видела и не была тут, и просто уехать. Как Валька

и предлагал. Жизнь будет простой и приятной, утро начнется с репортажа о веселой поездке в деревню и все.

Мило. Но не про Настю.

Молча проводила Влада до двери, заперла ее (зачем?). И упала на древний скрипучий диван. Отключилась мгновенно.

7. Договор

Утро добрым снова не было. С тех пор как она сюда приехала – ни одно утро не бывало добрым, и сегодняшний день – не исключение. Входная дверь грохотала как барабан. Кто-то жестокий твердо намеревался просто ее вынести. Поспать удалось всего несколько быстрых часов. Очень скоро Настя замёрзла. Ветер выворотил внешнюю створку окошка и теперь в него дуло нещадно, сквозняк гулял по избушке, шевеля грязные шторки над печкой, за которой жались маленькие комочки детей.

Выковыряла себя из-под одеяла, стуча зубами, натянула куртку, сунула ноги в резиновые сапоги. Этот Беринг совсем обнаглел. Она ему ничего не обещала и с каждой секундой все более сомневалась в решении. С большим трудом повернула тугую защелку дверного замка.

– Здрасьте. Вы кто?

За порогом стояли три очень решительные и весьма грозные тетки. Неуловимо похожие друг на друга, одинаково темные и опасные.

– А вы? Я что-то не помню вас в списке сюда приглашенных.

– Служба социальной опеки и попечительства. По сигналу из школы. Иван Шапкин на занятиях не был с конца сентября. Семья, – тут они смерили пренебрежительным взглядом заспанную и полураздетую Настю, – неблагополучная, вопрос об изъятии несовершеннолетних и размещении их в муниципальном приюте решен. Ваши документы, гражданочка. Или мы вызываем полицию.

В Насте все рухнуло разом как карточный домик. Все. Не успела. Не справилась. И бессмысленно теперь было дергаться. Даже Беринг, очевидно, все трезво обдумал и быстро слинял. Как и все мужики в этом мире: лишь только случалось ужасное, они испарялись.

– Вы позволите?

Очень низкий мужской голос, практически рык, заставил трио захватчиц посторониться.

Настя вздрогнула. Согнувшись почти пополам, в низкий дверной проем втиснулся… Беринг. Внимательно оглядев всех стоящих, он прищурился. И в его этом взгляде Настя вдруг отчётливо увидела их спасение.

– Настенька, кто эти люди?

Тетки, растерявшие было спесь, воинственно переглянулись.

– Представились службой социальной опеки, документов еще не показывали, – с плохо скрываемым облегчением отрапортовала девушка.

– Вы предлагаете верить вам на слово?

Тетки было вздохнули решительно, но споткнувшись о тяжелый мужской взгляд, не обещавший им ничего хорошего, полезли в увесистые кошелки за документами.

– Настенька, чайник поставь, ты собралась уже?

– Вы куда это? – ближняя к Стасе бабенка вдруг вскинулась, помахав перед носом у девушки какой-то бумагой и попытавшись ее тут же скрыть.

– В прокуратуру, конечно. А вы сомневались? Настенька, одевайся. И детей поднимай, нам еще по магазинам.

Воцарилась ошеломительная тишина. Все участники представления пытались осмыслить им сказанное. Каждый думал о чем-то своем.

Настя вдруг поняла очень остро: времени на ответ у нее больше нет. Или она сейчас соглашается, доверяет судьбу и свою и детей вот этому… огромному как медведь и вроде бы страшному, но так своевременно появившемуся чужому дядьке, или… Минут десять назад ей краткий план их жизни уже изложили. Весьма и весьма убедительно.

Взглянула в глаза Берингу. Он стоял, всем своим ростом огромным нависнув над этим оккупантшами, словно скала. И они сразу стали не такими уж и страшными. Влад сжал твердые

губы, смотря на нее, а глаза… они ей улыбались. Тонкими лучиками едва заметных морщинок на загорелой и обветренной коже.

Выбор – тяжелое бремя. Ответственность. И ругать некого будет, сейчас она все решает только сама.

Улыбнулась ему почти уже искренне и вполне уверенно кивнула. Развернулась, прошла быстро в комнату. Еще бы Ваньке внушить мысль о примерном сейчас поведении.

– Зачем в прокуратуру? И вы кто тут, гражданин? Сожитель вот этой? Что тут происходит, мы срочно должны всех детей осмотреть и изъять! – у Стаси за спиной прозвучали отчетливо мерзкие слова, и ей стоило неимоверных усилий не оборачиваться.

– Вот мои документы. А вот… – Настя вздрогнула, вспомнив, что он знает, где ее паспорт, – документы старшей сестры этих детей. Совершеннолетней вполне Анастасии Андреевны Лисициной. Моей, я надеюсь, уже сегодня жены.

– Пока еще не…

– Уже к вечеру. Я знаком с прокурором, и информация о том, что ближайшая родственница до сих пор не была извещена о состоянии младших детей, а также тот факт, что они были брошены в таких условиях, на попечение сожителю-наркоману покойной матери-алкоголички ему очень понравится, я надеюсь. Он всегда щепетильно относился к случаям такого вот абсолютно преступного пренебрежения к служебным обязанностям. Я отлично помню его эту черту еще по работе в Санкт-Петербурге.

Воцарилось молчание. Тетки сопели. Настя осторожно наклонилась над Ванькой, сжав его плечо и зашептала ему прямо в ухо:

– Так, мелкий. Слушай внимательно. Опека пришла, по твоей милости, между прочим. Вас изымают.

Ванька подскочил как ужаленный, попытался брыкаться и завопить. Настя вовремя дернула его за лодыжку, уронив рывком на матрас обратно. Зажала рот ладонью.

– Заткнись! Школа твоя настучала, придурок. Беринг там отбивается, только попробуй его подставить, слышишь? Один он и может помочь вам. Одевайся быстро во все самое чистое и приличное, девок тихо подними и тоже одень. Влад нас забирает.

Ванька отчаянно закивал головою, прислушиваясь. В коридоре шел еще разговор, но на тонах уже совершенно миролюбивых. А потому им не было слышно почти ничего. Ванька выдернул челюсть из хватки ладони.

– Куда забирает?

Настя пожала плечами. Все равно куда. Она ведь уже согласилась.

– Дура ты, “Настенька”, – он весьма похоже изобразил то, как Беринг ее называл. – Попробовала бы ты ему отказать. Мы бы сами сбежали.

Угу. Сбежали они бы. До первого полицейского добежали бы.

– Ты все понял? Я пошла одеваться.

Прислушалась, тихо подойдя к двери комнаты.

– И вы думаете, мы вам тут поверили? Зачем такому мужчине, как вы, эта раскрашенная прошмандовка?

Он усмехнулся, так громко, что Настя услышала.

– Взаимное притяжение противоположностей, слышали? Она творческий человек, и в методах самовыражения я ограничивать ее не намерен.

– А довесок на что вам? Ой, не смешите!

– Уж точно не за получением грязной избушки в наследство. Считайте мировоззрением. Характеристики с места работы и биографию приложу и пришлю вам в письменном виде вместе с копией свидетельства о нашем с Анастасией браке. И еще. Ваню нужно будет оформить на домашнее обучение. Мы уезжаем к месту моей постоянной работы. Все уезжаем и как можно быстрее, меня отпустили совсем ненадолго, куда нам обратиться? Так, чтобы оперативно.

Новость о том, что эта бомба замедленного действия в лице детей Шапкиных может скоро уехать, так обрадовала сотрудниц соцзащиты, то они разом выдохнули и подобрели. И что же он сразу им всем не сказал, что детей заберет и уедет? А как далеко? За полторы тысячи километров? Вот радость какая! Ну, то есть, хорошо, что у деток будет наконец-то семья! А узнав, что Влад был другом отца этих детишек, и тетки и вовсе растеклись патокой.

И когда вся унылая троица младших предстала пред зорким взором работниц социальной опеки, на них едва уже даже взглянули.

Влад выпроводил их спустя долгие сорок минут, и Настя обессиленно рухнула на табуретку, пошатнувшуюся и опасно заскрипевшую.

Кажется, они отбились.

– Настенька, а скажи мне, – Влад задумчиво разливал кипяток по отколотым кружкам, пока Ванька намазывал размятую вилкой тушенку прямо на куски хлеба, раздавая эти вот “бутерброды” молчавшим девчонкам. – Сколько лет было матушке твоей, когда ты родилась у нее?

– Восемнадцать… а что?

– Арифметику пытаюсь свести воедино. Да, похоже. Когда ты уехала?

– Меня уехали. Мать постоянно мне намекала, что тесно у нас теперь, а жить мальчику с девочкой в одной комнате не комильфо. А тут тетка еще заикнулась, что дескать, детей у нее нет, а только единственная племянница. Вот и пнули меня. Девять лет тому как.

– А матери, – он бросил быстрый взгляд на девчонок и запнулся на полуслове, – сорок? Василий ведь ее был значительно младше, так? Тогда ясно.

Ну да. Эта мысль тоже ей приходила в голову. Потом уже, когда Настя сама повзрослела. Дурь это все. И Василий – особенно. Променяла мамка свою дочь на… мужика. Да, любила очень его, девушка помнила, как смотрела мать на него, как за собой следила. И то, что погибла она так ужасно – тоже его рук дело. Сломалась, как только пропал. Умерла задолго до смерти своей.

Настя все-все помнила. И знала: никогда с ней такого не будет. Встряхнула косичками, гулко загнала слезы обратно. Никогда.

– Куда едем?

– Насчет прокурора я не пошутил. Оставлю ему там заявочку, нас она подстрахует на время. Жалко все же, что ты не беременна.

Ванька поперхнулся тушенкой и хлебом.

Влад удивленно на них посмотрел. Совершенно искренне.

– Нас оформили бы гораздо дешевле и быстрее. Расписали. А там уже – четыре ребенка или пять – мне без разницы.

Не нужно было иметь высшего образования, чтобы понять: в ряду его “детских” проблем Настя тоже ребенок. Выходит, сработал отцовский инстинкт? А что, так даже проще. Ей легче себе объяснить происходившее.

Дальнейшая круговерть всех безумных событий тяжелого дня Настасье потом вспоминалась как бред и горячка.

Беринг всем улыбался широко и почти угрожающе – по-американски. К концу даже казалось, что эта улыбка навечно и прочно прилипнет к его лицу, и даже в гробу будет он будет так улыбаться. Только глаза оставались серьезными и внимательными. Настя постоянно ловила его взгляд на себе. Наблюдал он за ней, как за очередным экспонатом, как ей казалось.

Прокуратура, потом магазины в райцентре, где была закуплена всем одежда на зиму и прочие необходимости, где дети сначала визжали от счастья, а потом так устали от новых для них впечатлений, что просто попадали на скамейке для примерки обуви и уснули. Еще в машине Настя при помощи Ваньки и такой-то матери оттерла их всех влажными салфетками. Они не то, чтобы стали блестеть, но вид имели уже вполне презентабельный. Стопки детского

белья, носки, колготки, тапочки, юбочки и штаны. Лыжные костюмы, сапоги и ботинки. И как только терпения хватило у Беринга все это вынести, а щедрости – чтобы купить? Судя по значительному набору голд-карточек, мужик он был не из бедных. И не из тех, кто покупает крутую машину в кредит, а после всю жизнь пьет нежирный кефир и по праздникам ест макароны. А все же одеть с ног до головы сразу троих детей, да не на китайском рынке, а в весьма приличную и качественную одежду – вышло очень и очень недешево.

Потом был ЗАГС… Тут Настя просто встала и вышла, сев на лавочку рядом с выходом из дворца. Дети давно сладко спали в машине, а она – просто не верила. Не могло ей вдруг так повести, в чем подвох? Хотя… то еще было везение. Договор и контракт. Это – если только получится сейчас у Беринга пробить стену бюрократии. А если нет? Что тогда с ними со всеми будет?

– Пойдем?

Огромная эта туша умудрялась передвигаться бесшумно и быстро. Влад сел рядом, щурясь на редкое и уже побледневшее ноябрьское солнце.

– Домой? Ничего не вышло?

Он улыбнулся каким-то своим мыслям, перевел взгляд на нее и усмехнулся.

– У меня пока не случалось еще в моей жизни “не вышло”.

Прозвучало внезапно двусмысленно – или у нее в голове совершенно не то? Настя вдруг покраснела.

– Ты готова? Последний шанс отказаться – здесь и сейчас. После заключения брака и договора назад пути просто не будет.

– А если нет? – она криво улыбнулась, понимая всю глупость вопроса.

– Все просто. Ты сама знаешь. По крайней мере, дети будут одеты в приюте, имущество их никто не отнимет. Да и тебя приодели немножко. Зимы уже не страшны. Опека от вас поотстанет слегка. Пока не обнаружит, что дети никуда не уехали. А потом… – он снова отвернулся, глядя на солнце, пожал плечами. Все и так было понятно. Нет никакого “потом”.

– Пойдемте. Все правильно, все так и надо. Вот вам моя рука и … паспорт.

И она улыбнулась печально. Как глупо все это. Неправильно.

8. Эвакуация

Уже час спустя Настя молча смотрела в окно джипа своего, теперь уже, мужа. Никогда она не думала, что замуж выйдет вот так – наспех, в районном отделении ЗАГС, без платья и видео сессии.

Когда-то она мечтала непременно сделать блог о своей свадьбе, позвать друзей, тетку обязательно. Фотосессия на мосту, ещё в ротонде возле сквера и в парке. И свадьбу бы осенью, в золотом сентябре, и чтобы дождик шёл мелкий, осенний, и она под белоснежным зонтом… А вышло скомкано, быстро и даже почти неприятно.

Хотелось плакать – было немыслимо жалко себя бедную и несчастную. Во что она ввязалась? Правильно Валька говорил – дура деревенская как есть. И даже если это вот всего на год, то через год уже будет совсем другая Настя. И год этот надо как-то прожить. Как там Влад говорил? Лесник он? Егерь? Черт! Представила крохотную избу в дремучем лесу. На много километров вокруг – только дикие звери. Ни интернета, ни телефонной связи. Случись что – дети там заболеют или ещё какая беда – скорая не доедет, полиция не примчится. Страшно до стука зубов.

И расспрашивать Беринга тоже страшно. И стыдно отчего-то. Как можно ещё большей дурой перед таким мужчиной себя выставить?

Влад, конечно, был выше всяких похвал. Если бы он попался на ее пути в прошлой жизни, Настя бы запросто в него влюбилась. Не из-за денег (а они у него явно были) и не из-за красивых глаз. Просто он – та самая каменная стена. Спокойный и твёрдый. Как сфинкс – не истеричная морщинистая кошка без шерсти, конечно, а тот самый, египетский.

За ним было интересно наблюдать. Было в Беринге что-то звериное. Двигался так хищно, но в то же время неторопливо. Все замечал. Вот и сейчас видя явную тревогу своей подопечной (женой она себя никак не ощущала, скорее – опекаемым ребёнком) скосил на неё глаза и вполголоса спросил:

– Точно не хочешь заехать за кольцами?

– Нет, – равнодушно ответила Настя. – Зачем? Кольца ведь символ любви…настоящей, бесконечной. А какая уж тут любовь… Вы не переживайте, Владимир Михайлович, я просто устала очень. Можно я посплю? Не храпеть не обещаю.

– Настенька, ко мне можно на «ты» и Влад.

– Я учту, спасибо.

Беринг вздохнул. Кажется, он сделал большую глупость сегодня. Зачем? Девонька эта… вовсе ещё ребёнок, несмотря на эти ее коленки и губы. Все они дети, все четверо. А детей он бросить там бы не смог, это факт. Но к своей цели Влад не приблизился ни на метр и теперь, наверное, все испортил. Понятно же, что Насте он не нравится, она его боится. Ее можно понять. Приехал чужой дядька, наобещал с три короба, увозит невесть куда. А она – всего лишь жертва. Себя отдала, чтобы спасти детишек, которые даже ее не любят. Хорошая правильная девочка Настя. С идеалами. Обычно такие вот и становятся жертвами аферистов.

Дорога. Когда это слово вдруг стало его смыслом жизни? Он знал, но боялся признаться себе, что давно уже просто лишь убегал.

Вот и теперь, они едут навстречу сомнительным перспективам. Что толкнуло его, человека неглупого, взрослого, постучаться тогда в эту дверь?

С отцом младших детей он когда-то был дружен. Отличный мужик – оперуполномоченный Шапкин. Был.

И его дети, и эта девочка-падчерица очень живо напомнили ему боль уже собственную. Незаживающую, кровоточащую, мучительную. Именно это и стало причиной его импровизации. Жалость.

Хотя, он конечно же, снова лукавил. Эта странная девушка с решительным взглядом и твердым характером ему сразу и очень понравилась. Нелогично и совершенно неправильно. Вот и сейчас он бросал быстрые взгляды на спавшую Настю.

Тонкое лицо, брови словно бы нарисованные, красивый профиль, аккуратные, яркие губы, молочная кожа. Не гламурная красавица в модном стиле. Ее красота была акварельной. Ничего лишнего, нарочитого, но будто светилась она изнутри. Наверное, только в глухих деревнях такие чудеса еще и рождаются. Нас-тень-ка.

Она вдруг открыла глаза, взглянув на него прямо и смело.

– Влад. Вы говорили что-то там еще про договор. Мы же его не заключили.

Создатель, ты видишь? Не бывает в нашей жизни случайностей. Не зря эта девочка дверь ему вдруг открыла. Не вспомнила бы сама – Беринг так загадал – не судьба, значит. Все это время Влад разрывался между мучительной необходимостью и страхом за жизнь этих случайных своих попутчиков. Очень опасно. Но видимо… это судьба.

– Да, мы скоро будет проезжать небольшой городок, там у меня живет очень редкий, практически вымирающий персонаж: честный и грамотный нотариус. Сама все увидишь. Дело недолгое.

– А долго нам ехать?

Спросила и оглянулась с тревогой на спавших детей.

Врать ей не хотелось. Только Беринг знал тайные дороги, что ведут мимо времени. Ими он и повел своего верного коня, сокращая дорогу в три раза как минимум.

– Ночью приедем. А в Яушах будем часа через два. Поспи пока, дорога скучная.

Она молча кивнула, еще раз оглянувшись назад, откинулась на изголовье сидения и тихонечко засопела. А Беринг поймал себя на преступной мысли: эту головушку рыже-разноцветную хотел бы он видеть на своем плече каждое утро. Безрадостно усмехнулся.

Ему ничего бы не стоило это. Но такие сердечные девочки не должны стать разменной монетой в игре. Чистый жемчуг речной, а не Настенька. Все равно, что Снегурочку соблазнить, потеряв сразу и сказку, и веру в нее. Нет, он уже перерос возраст охоты на все симпатичное. Ему нужно больше.

В маленьком поселке с загадочным названием Яуши у заправки свернули направо, нашли в сумерках Московскую улицу, дом тринадцать.

Беринг вышел и быстро ушел. Дети в машине проснулись, девчонки захныкали, хором просясь в туалет, Ванька рычал на них, Настя опять растерялась. Куда тут их деть?

Глядя на всю эту троицу, заспанную, очень растерянную, будто ставшую еще даже меньше, Настя отчетливо вдруг поняла: жизнь перевернулась. Нет больше вечно маленькой Насти Лисициной. Есть старшая и ее дети. Стать внезапно практически многодетной матерью – это серьезно. Она прислонилась к машине, сползла по кузову прямо на землю. Хотелось выть и рыдать. Во что она вляпалась?!

Дети вдруг разом утихли. Оглянулась. Влад держал на руках одну из все еще громко всхлипывавших близняшек, что-то ей говорил, подхватывая и вторую, Иван послушно потопал за ними. Куда? Подскочила, споткнулась, упала. Крепкая рука ее вдруг подхватила. Как? Беринг.

Одна из сестер уже прочно сидела у него на шее, вторая висела на плече, а он поднимал и отряхивал ее, размазню и трусиху. Еще одного своего ребенка.

– Ты паспорт взяла? Пойдем, все будет хорошо, ничего не бойся. Я обещаю.

Тихо сказал. Но так… Что поверила. И пошла, как овечка за пастухом.

Их встретил теплый дом, пахнущий пирогами, свист чайника, радушный хозяин, похожий на гнома: низенький, крепкий, в винтажных очках и хозяйка – под стать ему, вся какая-то очень уютная, мягкая.

Туалет и помытые руки, сладкий чай со сливками, целая куча пирожков и разговор: вроде бы ни о чем, но очень приятный.

Уже через четверть часа они перешли к договору, хозяйка детей увела “смотреть кроликов”, а нотариус (это был он) вынул из недр антикварного секретера странного вида бумагу: беленую, всю в гербах. Договор там уже был написан. Рукой, и почерком каллиграфическим.

В ответ на Настино удивление нотариус – ”гном” пояснил:

– Люблю, знаете ли, основательно делать все. На века.

Смешно. Годовой договор о сотрудничестве. Беринг обязался их полностью содержать, Настя – не разглашать ничего (в том числе и условия договора) и играть роль супруги. Тут Настасья поправку внесла: “За исключением интимной части брака”. Эту фразу она где-то вычитала. Очень понравилась. Беринг в ответ улыбнулся устало. Н-да. Похоже, Стася себе явно польстила.

Гном старательно все записал. По истечению срока сего договора стороны могут продлить его, изменяя условия или внеся поправки, или расторгнуть.

Дата, подписи, реквизиты сторон и печати.

Поулыбались друг другу – смущенно и доверчиво. Собрали детей, получили от милой четы целую корзинку пирожков “на дорогу”. И дальше поехали. Молча. Беринг думал о чем-то, был спокоен, уверенно вел свой агрегат.

А Настя вдруг засмотрелась на него. Красив, гад. И самоуверен настолько, что вообще в себе не сомневается. Как на него смотрели бабы, что в ЗАГСе, что во всех магазинах! Только слюнями не капали на прилавок. Еще бы – огромная груда мышц, дополненная явными признаками интеллекта. Очумительное сочетание. Невероятное, ошеломительное. Сказочное просто.

Настя тяжко вздохнула.

Беринг взглянул на нее очень быстро. Улыбнулся, быстро открыл бардачок, достал что-то и сунул ей в руки.

– Что это?

– Ну… Ты от колец отказалась, согласен. Но подарок жене я не сделать не мог. Не отказывайся, мне приятно тебя хоть немного порадовать.

Разжала ладонь. На ней лежала подвеска, маленькая. Медвежья голова с выражением морды очень похожим на Беринговское, только белая.

– Это кость мамонта. Резьба на кости, очень древняя техника. Только возвращать мне не вздумай ее через год. Обещаешь?

Молча кивнула. Забавно. Первый мужчина в ее жизни ей подарок дарил. Первую драгоценность. У нее даже ведь уши не были проколоты лет до восемнадцати – нечего в них было вдеть. Все впервые сегодня, странный день. Надела подвеску на шею, застегнув прочную цепочку, закуталась в куртку и крепко уснула.

Дети давно уже сопели опять.

А Беринг снова свернул на одному лишь ему ведомые тайные дороги.

9. Избушка-избушка, повернись к лесу передом…

И как Беринг в полной темноте нашёл эту неказистую, вросшую в землю избу? В пелене метели и неясном свете противотуманок показались очертания чего-то треугольного, чёрного, совсем небольшого. Конечно, Настя и не ждала новенького коттеджа, но все равно была разочарована и весьма.

Год, Стася Ли, год. Это не так уж и много в масштабах всей жизни. Зато опыт – незабываемый.

Беринг припарковал своего монстра на ровной площадке возле дома, выключил двигатель, с тревогой обернулся через плечо, разглядывая, что там, на заднем сидении.

– Настенька, сможешь донести одну из девулек? Спят, не стоит их тормошить.

Это его смешное «девульки»!

– Я донесу, – тут же подскочил Ванька, отчаянно терший глаза.

– Ты сумки поможешь донести, – сурово ответил Хозяин. – С вещами тёплыми. Остальное завтра. Сейчас все спать. Понимаешь, Настенька, почему именно сейчас поехали? Ещё недели две – и заметёт тут всё снегом к лешему.

Настя кивнула, стуча зубами. После того как Беринг распахнул дверь машины, стало очень холодно. Да ещё навалилась усталость последних дней, голод, нервное возбуждение. Ничего, она справится – ради девочек.

Тем временем Беринг, повозившись у избушки, вернулся. С заднего сиденья забрал одну из девочек, понёс в дом, кинув Насте громким шепотом:

– Иди за мной, поможешь обувь снять и укрыть одеялом. Арину тоже сам донесу.

Настя кивнула, вытащила сумку с термосом и бутербродами, стоящую у неё в ногах, и выпрыгнула из машины. В избушке было темно и пахло пылью и сыростью. И, кажется, очень-очень тесно.

– Здесь кровать. Одеяла в шкафу есть, поищи.

– А шкаф где? – безнадёжно спросила Настя, спотыкаясь обо что-то. – Электричества нет, да?

Ну откуда электричество посреди тайги? Столбов и линий электропередач она не заметила. Сама уже понимала, что глупость сморозила.

– Пока нет, – буркнул Беринг, складывая свою ношу на постель. – Сейчас печь затоплю и включу обогреватели, дом прогреется. Куртку пока не снимай. Шкаф справа от тебя.

Глаза уже привыкли к темноте, массивный остов шкафа Настя нашла. Наощупь дернула за ручку нижних отсеков, нащупала пушистое – угадала. Достала плед, укрыла крепко спящую девочку. Подумала и сняла с неё сапожки, затолкав ногой под кровать. Там, наверное, пылища, ну ничего, утром разберёмся.

– Я вторую принёс, – проворчал сзади Беринг. Шёпот у него совсем не получался, какой-то невероятно низкий звериный рык, а не шёпот. – А ты с Ванькой на диване ляжешь в кабинете. Я на пол пока.

– Я с этим недоноском рядом спать не буду, – прошипела Настя тут же.

– Я с этой змеей в одной комнате даже боюсь, – одновременно с ней подал голос братец. – Она ж меня придушит!

– Ладно. Ваня, на полу значит. Сейчас надую матрас. Настя со мной в кабинете.

Девушка сглотнула. Как это – с ним? В смысле, в одной постели? На одном диване?

– И куртки не снимайте, пока так спите. Холодно.

– А туалет здесь где? – спросила Настя, уже догадываясь об ответе.

– На улице, конечно, – густой смешок где-то уже вне комнаты, в самой глубине дома. – В прихожей ведро. Могу горшок поискать.

– Спасибо, я на улицу.

Вышла, даже не вышла – выковыляла. Ноги ломило от усталости, все тело было тяжелое и неповоротливое. Заплакала уже на улице, хорошо, что снег с дождем, никто не увидит. Никакую будку искать не стала, присела прямо за углом. Плевать, даже если увидит кто, хотя кто увидит? Медведи, зайцы, мыши?

Она уже ненавидела и дом этот, и лес, и особенно – паразита Ваньку, который вдруг показался ей источником всех бед. Наверное, если бы не он, все было бы по-другому. Да! Если бы он тогда не родился, мать бы не сбагрила ее тетке. И всего этого сейчас бы не было, вот.

Остро запахло дымом. Печка! Огонь! Тепло!

Жалобно заскулив, Настя схватилась за мокрую бревенчатую стену дома. Побрела обратно.

Беринг зажег керосиновую лампу – надо же, какая древность! При свете дом лучше не стал. Тесно, сыро и потолок низкий.

– Держи, пей, – в руки Насте сунули кружку с чем-то горячим. – Кисель. Из пакетика, конечно, но лучше сейчас ничего нет.

О да! Густой, обжигающий и согревающий изнутри, со вкусом аскорбинки. Настю повело почти сразу. Закрылись глаза, стал заплетаться язык. Беринг обхватил ее за плечи, буквально втащил в какую-то комнату и уложил – едва ли не силой. Ботинки, кажется, тоже снял с неё сам. И всё, больше она ничего не помнила, проваливаясь в сон, как в сугроб.

Проснулась от того, что ей было жарко, очень жарко. Открыла глаза, зажмурилась. Небольшая комната наполнена светом. И… здесь уютно, как бы это невероятно не звучало. Диван, на котором она спала, добротный, широкий, очень удобный. Рядом с большим окном стол с ноутбуком – ох, значит, здесь все же есть электричество? Шкаф с книгами, комод, ещё две полки на стене. Нормальная комната, не слишком большая, но и не ужас-ужас. На потолке светильник, на дощатом полу – ковёр и… матрас. Подушка, одеяло. Что же, выходит, Беринг спал тут, рядом? А она даже не заметила. А сейчас – ушел.

Сняла куртку и свитер, мокрый насквозь от пота. Тёплые штаны, подумав, тоже стащила. Осталась как есть – в носках, белье и футболке. Интересно, где тут умыться можно? Зубы бы почистить и сумку свою найти.

Дверь скрипнула, в проеме показалась массивная фигура Беринга. Он вдруг застыл, пристально разглядывая девушку: и ноги ее голые, и колени, и испуганное лицо. Настя плюхнулась на разобранный диван, прикрываясь одеялом. Глаза ее сделались огромными, в них плескалась паника.

Спокойно, Влад. Это нормальная реакция, она вовсе не тебя боится, а неизвестности. И на ноги ее в кокетливых розовых носочках пялиться не надо, ноги как ноги, что ты, ног давно не видел?

Изобразил на лице улыбку, пугая ее еще больше. Вздохнул.

– Настенька, мне нужно уехать на пару часов. Ваню я с собой возьму. А вы тут с девочками располагайтесь, хозяйничайте. Завтрак на плите в кухне. Генератор работает, электричество есть. Приеду – запущу для вас баню и переключу все на станцию. Вещи все в прихожей.

Да! Еще: ничего не пугайтесь. Могут привезти почту, продукты, просто в гости зайти. Врагов у нас тут не бывает. Все свои, просто некоторые избыточно любопытны.

Настя неуверенно ему кивнула. Да, так было лучше. Ей давали время осмотреться самостоятельно.

Так и сидела, укутавшись в одеяло, пока не услышала рев джипа за окном. Только тогда осмелилась встать и выглянуть – уехал ли? Точно ли одни остались? Да, можно выползать из своей норки.

Странно – вчера ей показалось, что места в избушке очень мало. С усталости ли, из-за темноты? Теперь, в тепле и свете, ей всё нравилось гораздо больше. Комната, куда она попала,

вовсе была не маленькой и уж точно не тесной. И потолок нормальный совершенно. И в самом деле – Беринг большой. Не будет же он жить там, где не повернуться ему?

И кухня тоже была очень внушительной. Из дерева вся, не какой-то там пластик, куча ящичков, угловой диван мягкий, огромный, большой круглый стол, и еще один откидной – у стены, рядом с ним четыре красивых резных табурета, на двух из которых возвышались близняшки, прихлебывающие из больших керамических чашек что-то очень похожее на какао. Хлеб, сыр, какое-то мясо на столике. Ох, мультиварка, микроволновка, электрический чайник! Ничего себе – лесничья избушка в лесу! И большущий двустворчатый холодильник. Как интересно!

Заглянула в него, обомлела. Удивительная картина была в холодильнике. На дверце стояли бутылки, настоящие, стеклянные, с блестящими крышечками. Судя по виду белой жидкости в них – молочные. Фермерские? Занятно…

На полках еще интереснее. Из льняного мешочка с завязочками выглядывала внушительного размера головка сыра. В большом керамическом сосуде, чем-то похожим на сковородку с высокими, толстыми стенками, лежали круги колбасы, залитые жиром и пахнувшие аппетитно. Рядом в некотором подобии деревянного ящичка лежал кусок копченого окорока, завернутый в льняную салфетку. Пузатый кувшинчик без носика (как там они называются? Настя не вспомнила) полон жирной сметаны.

Все свежее и пахнувшее очумительно.

Открыла створку морозилки. Мясо, курица, мясо, мясо. О! Ягоды. Сиротливая полочка с овощами, ну конечно же – в доме мужик! Рыба.

Нет, с голоду точно они не умрут.

Жизнь стремительно налаживалась.

– Доброе утро, девули-красотули, – широко улыбнулась Настя сестренкам, не замечая, что копирует и слова, и интонацию Беринга. – А вы умывались? Зубы чистили?

Девочки тут же отвели глазки. Ага, все понятно.

– Допивайте свое какао – и вперёд к водным процедурам, – строго сказала девушка. – А вечером Беринг обещал нам баню. Кстати, где можно умыться, не знаете?

Синхронно покачали головами, снова молча. Что ж, Владимир же говорил про ведро в прихожей. Интересно, а сколько здесь комнат? Она видела две: условно гостиную (или спальню) и кабинет. Кухня ещё, и немаленькая.

– А к нашему Берингу тетя уже приходила. – Левая близняшка толкнула правую острым локтем.

К “нашему Берингу” значит. Ну-ну.

– И чего же хотела?

– Молоко принесла, и еду в холодильнике вон. На машине приехала. Маленькой. А тетенька во-о-от такая! Левая взмахнула руками, чуть чашку свою не снеся.

– Да, она сказала, что приезжать будет по пятницам утром. И как она влезла в машину свою – мы не знаем.

И они ехидненько так переглянулись. Ясно. Слушая близнецов, Настя осторожно продолжила свои открытия. Так, тут кладовка, похоже. Какие-то полки с мешочками, ряд небольших деревянных бочонков на полках и еще один ряд – больших и фаянсовых – на полу. Пахло засолками. Огурцами и пряностями. Но девушкой двигал другой интерес.

Ага, есть и второй выход – через большую, заставленную чем-то накрытым покрывалами веранду во двор. Как и положено во всех лесных “избушках”. А дальше – лес. Настоящий, дремучий, как в сказках. Стволы в три обхвата, огромные ветви сплетаются в целый купол у дома. Стало быть, эта часть – к лесу задом. Вернулась к входной двери, вышла на крыльцо. А эта – к цивилизации передом. Пространство у дома в лесу, выходившая к нему светлая полоса каменистой дороги, следы от колес.

На улице было холодно и свежо, висели свинцовые тучи и моросил то ли снег, то ли дождь. Девушка поежилась, потрогала тут же намокшие косички и вернулась в дом. Огляделась еще раз, дернула очередную дверь и застыла ошеломленно: настоящий человеческий туалет! С унитазом и умывальником, даже с рулоном туалетной бумаги! Только бачка над “фаянсовым другом” не было никакого. Как странно… Она подошла осторожно, рискнув заглянуть в унитаз. И отшатнулась испуганно: там была… бездна. Странно, и почему Беринг вчера не сказал… Может, тут тоже нужно было что-то подключить?

Осмотрелась. Одна из стен вид имела довольно странный: толстое стекло и две ручки в углу. Осторожно одну на себя потянула и выдохнула от восторга: раздвижная стена таила за собой небольшую душевую кабину (и как только массивный Беринг здесь помещался!), стиральную машинку и даже складную сушилку. Толкнула блестящий рычаг душа и с восторгом нашла в нем горячую воду! Баня – это конечно прекрасно, но душ – это совсем волшебство. Настя немедленно захотела помыться, аж все тело зачесалось. Голова так и вовсе была настолько грязной, что от нее даже будто попахивало. За все время проживания в родительском доме вымыть ее удалось только один раз – слишком сложно это делать в ведре и с кружкой в руках.

Вот этим она и займется, пока мужчин нет – быстро расплетет свои косы, найдет в сумке полотенце и мыло (про шампунь, разумеется, никто и не вспомнил, а в душе она ничего не нашла) и приведет голову в относительный порядок. Эх, если бы грязь на душе можно было вот так же помыть!

Задумчиво толкнула одну из дверей, уверенная, что попадёт в кабинет, куда перетащила свой рюкзак, и заморгала глазами. Закрыла.

– Я сошла с ума, какая досада, – сказала самой себе.

Она могла поклясться, что этой двери еще пару минут назад тут не было. Был выход во двор. Был кабинет. А этой небольшой комнатки с маленьким окном, большой кроватью и тяжелым деревянным комодом не было. Огляделась, ущипнула себя за руку – ну как можно было не заметить целой комнаты? Вот гостиная, выход через нее на веранду и далее – на заднее, как бы крыльцо. Вот сама кухня. А тут…

Настя, ты просто устала, да? Тяжелая дорога, нервы, да и вообще… Все хорошо, Насть. Ты вовсе не сходишь с ума. А еще одна комната – здесь отлично можно будет разместить Ваньку. Или… Прошла, заглянула в комод, покраснела, узрев аккуратную стопку мужских трусов немаленького размера. Да, это спальня самого Беринга.

Почему же он тут не спал, а лег в кабинете на пол?

Непонятно. Краем глаза увидела вдруг шевеление. Что там могло быть? Подошла, наклонилась взглянуть: просто носок мужской, видимо грязный. Вздохнула: мужчины везде одинаковы. В душе успела заметить корзину под крышкой – наверное, для грязных вещей. Подхватила трофей двумя пальцами, и тут дверь за ней быстро закрылась. Настя вздрогнула: что там, сквозняк? Нервно толкнула тяжелую плоскость. Никого. Показалось. Тьфу ты, она точно устала. Носок забрала и ушла. Кстати, он не вонял совершенно.

10. Там на неведомых дорожках…

Ах, какой чудесный дом! Волшебство, право слово!

И самое удивительное, несмотря на то, что сети здесь не было, ее айфон выдавал, что вай-фай имеется. А это значит…

– Итак, с вами вновь Стася Ли, и сегодня я веду репортаж с таежной опушки из лесной избушки! Да, лесники живут неплохо!

С телефоном в руках оббегала весь дом, заглянула в каждый уголок, обнаружила даже лестницу бревенчатую – видимо, на чердак. Накинула куртку, сунула ноги в огромные резиновые сапоги (Беринговские, конечно) и выскочила во двор. Небо – и лес, лес, лес. Огромные темные столбы стволов, ковер густой желтой травы, маленькие рябины. Лес начинался почти сразу за двором, он был везде, куда не повернёшься. И только наполненная водой неглубокая колея давала понять, что связь с цивилизацией все же существовала.

– Ух ты, смотрите, ветряк! Потрясающе, правда? Вот он какой, умный дом будущего! Если вам интересно, как здесь все устроено, ставьте лайк и подписывайтесь на мой канал, с вами была Стася Ли, всем до встречи!

Убрала в карман айфон, огляделась восторженно, вдохнула полной грудью влажный, пахнущий терпкой дубовой осенней листвой лежащей уже на земле воздух, закашлялась. Голова закружилась. Ах, как жаль, что они не приехали сюда раньше – золотой осенью, например. Здесь, наверное, невероятно красиво было и грибов множество. Грибы Настя любила и уважала, страшно скучала по ним в городе и покупала шампиньоны в лоточках, хотя, конечно, это было не то.

Вернулась в дом сияющая, счастливая, немного пьяная от воздуха этого и ощущения бескрайности неба над головой. Вооружившись тряпкой и завербовав в свои ряды двух неумелых, но старательных стражей чистоты, прошлась по всем поверхностям, протирая пыль. К слову, у Беринга тут был образцовый порядок, но это явно ненадолго.

Ей снова казалось, что в доме их много. “Развивается фобия, Стась!” Откуда странное это ее ощущение? На работе у них была такая одна ненормальная: все ей казалось, что кто-то подглядывает и крадет ее мысли. И тени эти. А один раз она могла даже поклясться, что ей не привиделось и упавший веник в углу вдруг сам обратно поднялся и даже слегка отряхнулся как пес. Надо срочно занять свою голову.

Подумала немного, повздыхала – и достала большую кастрюлю из стола. Сейчас наварит макарон и курицу потушит в сметане, это она умеет делать великолепно.

Ее благие порывы вдруг прервала трель звонка по вацапу.

– Эй, Стася Ли, ты ещё там в своём свинарнике не загнулась? Ты что, реально в деревню переселилась? Мне с работы твоей звонили, говорят, абонемент не абонемент. Уволили тебя, в общем.

– Привет, Валька. Не то, чтобы в деревню… скорее, в лес.

– В смысле?

– А я вышла замуж за лесника и уехала в Сибирь.

Щелкнула микроволновка, выпуская из своих недр размороженные куриные голени. Лучше бы грудки, но тоже нормально. Кинула в сковородку, посолила, поперчила, закрыла крышкой – и все это одной рукой.

– Ну и шуточки у тебя, Лисицина!

– А это и не шуточки. Могу фото штампа в паспорте прислать, хочешь?

– Ха-ха, фотошопить и я умею. Все, Насть, поигралась и хватит. Я по тебе скучаю, возвращайся.

– М-м-м, боюсь, мой супруг будет против.

– Не смешно уже. Шутка, повторенная трижды…

– Миронов, я не шучу. Сейчас пришлю видео, жди.

Отключилась и отправила ему видео обзор двора и леса. И паспорт свой тоже сфоткала.

Изумленный вопль в трубке раздался спустя четверть часа. Как раз вода на макароны закипела.

– Ну ты блин даёшь, Лисицина-Беринг! Да как так-то? Тебя ни на минуту оставить нельзя, да?

– Ты меня, Валенька навсегда оставил вообще-то. Вот и кручусь как могу.

– Ну это… но мы ведь ещё друзья? Твой репортаж просто вау. Будешь мне присылать, я подкорректирую и выложу. А ещё есть? А про лес? А там ветряк на крыше – слазай, сними поближе, а? А погреб, погреб? Почему в доме нет погреба?

За окном послышался приближающийся рёв двигателя, и Настя быстро отключилась. Вот же… курица еще не готова и макароны не доварились. Не успела, заболталась. Хороша хозяюшка!

На дворе вдруг раздался лай. Настя выглянула в окно. Большой мужчина и с ним – собака не менее огромная. Лохматая, огненно-рыжая, как костер, остроухая, хвост тугим узлом на спине – неизвестной ей вовсе породы. Рядом восторженно взвыли близняшки.

– Настя, можно мы на улицу, можно-можно?

– Потеплее одевайтесь и перчатки не забудьте.

Надо же, собака.

Влад вошёл в дом, втягивая носом воздух как ищейка. Пахло едой. Удивительно, эта девочка что-то умеет. Он, видя ее слёзы и сопли в Глухаревке, да косички веселенькие, да вечный телефон в руках, причислил ее к породе «женщина декоративная». Такие способны служить отличным украшением на каком-нибудь вечере, когда ты небрежно бросаешь приятелям: а вот моя Ирочка – художник, у неё выставка в самом Манеже. И всем становится совершенно ясно, что Ирочка, красавица и умница, строит великолепную карьеру, самовыражается, ищет свой путь… до низменных ли хлопот этой звезде?

Ошибся, Михалыч. Купился на глазки эти жалостливые и косички. А ещё – полночи смотрел ее youtube канал: про птичек, белочек в парке, покатушки на коньках и прочие девичьи забавы. Веселая малышка, смешная даже. В лесу найдёт, чем себя занять. То, что она умеет готовить, нет, даже то, что она – захотела, стало приятным сюрпризом.

– Владимир Михайлович…

– Настенька, я же просил! Просто Влад. Почту не привозили?

– А! А я не знаю. Не слышала. Занята была, правда.

Он мимолетно нахмурился, но увидев ее мимолетный испуг, улыбнулся лукаво.

– Я Камчатку затем и привез. Моя подруга старинная, согласилась наш дом постеречь, еле уговорил. И тебе поспокойнее, и никого не пропустим.

Это он о собаке вот так? Согласилась? В Настином представлении (взятом из деревенского детства, конечно) собака была неким зверем, сидящим всегда на цепи. Или – с трудом волокущим своих очень вялых хозяев по городу на поводке и рулетке. Но чтобы ее уговаривать?

Фыркнула, поймав на себе насмешливый взгляд Беринга. Он в ответ усмехнулся и вышел. Вошел через пару минут принеся целую кучу писем. Ого, в Белогорье еще этим пользовались. Насте казалось, что такой способ общения, как бумага, давно уже существовать перестал.

Беринг сел за стол, сосредоточенно разбирая конверты. Большие красивые, куча марок, а кое-где даже сургуч. Одно письмо, в тонком конверте с одной только маркой вызвало у него странную очень реакцию: закатил глаза, взял двумя пальцами, и подозвав к себе Ваньку, кивнул молча на печку. Тот мигом все понял и конверт живо спалил.

Настя успела лишь уловить сладкий запах женского парфюма и последнее слово в графе “Адресат”: Мона. Вот ведь… А у Беринга были истории, мужичок-то с секретом. Ей стало даже как то полегче: не совсем идеален.

– Влад, а что вы любите вообще? Ну, из еды?

– Мясо, – усмехнулся Беринг.

– А с чем?

– С мясом. А ты что, готовить умеешь?

– Не попробую – не узнаю, – философски ответила Настя. – Давно мечтала рискнуть вести свой кулинарный блог. А тут у меня все условия. Печка вон есть. Попробую в печке.

– Заяц в печке хорошо бы вышел, – мечтательно протянул Беринг. – будешь экспериментировать, или сначала все-таки в мультиварке? Печка – капризный весьма инструмент. Для сильных духом и даже рисковых.

Рассказывать девушке в первый же день пребывания в доме все секреты его этой печки Влад пока не рискнул. Еще испугается.

Настя вытаращила глаза изумленно. Накрутила на палец влажную рыжую прядь. И он вдруг понял, что с ней не так, почему ему показалось, что в девульке что-то изменилось. Косы цветные исчезли!

– А где же?.. – он выразительно повертел пальцем. – Красота твоя где?

– Канекалон? Так сняла, его долго нельзя. А что, так хуже, да? – забеспокоилась девушка. – Совсем некрасиво?

– Ты серьезнее стала. Взрослее.

– А вы мастер комплиментов, Влад, – неожиданно лукаво сверкнула она зубами. Хищно так. Кусаче. Нет, она не птичка безобидная, а настоящая рыжая лисонька.

– Да уж, я старался, – он обезоруживающе улыбнулся, закончив раскладывать почту и отобрав еще несколько писем для печки. – Не обижайся. Ты тут так и сидела? Хоть немного освоилась? У меня на рабочем участке есть еще несколько быстрых дел, хочешь со мной?

– Очень хочу!

Настя тут же вскочила.

– И я хочу, – влез громкий Ванька.

– Иван, мы с тобой завтра по контрольному маршруту прокатимся, с самого утра. А сейчас у тебя час контрольного чтения. Прочесть все, что я тебе там отметил. Вернусь – покажу, как домашние задания выяснить.

Настя даже засмеялась, видя, как вытянулось у Ваньки лицо. Вот облом! Думал, что от школы сбежал? А нет, с Берингом не забалуешь!

Быстро оделась, проверила уровень зарядки на айфоне… и вдруг застыла на пороге, хлопая глазами.

– Что не так? – полюбопытствовал Беринг за ее спиной.

– Кредит за телефон, – с несчастным видом призналась она. – Я забыла совсем. Я ведь работала там, в городе… с зарплаты платила. А теперь как?

– Решим, – пообещал он. – Давай-ка, пока не стемнело, я тебе покажу кое-что. Настоящее чудо. Готова? Оденься потеплее, и обувь непромокаемую не забудь.

К машине она прилетела буквально на крыльях, ведомая острой смесью любопытства и жажды приключений. Беринг посмотрел на нее насмешливо и протянул странную вещь: прямоугольную пенопленовую доску длиной с сиденье табуретки, с фольгированной поверхностью и резинкой.

– Надень. Пошевеливаемся, время идет.

– Это что?

Стася понятия не имела, как и куда это можно напялить. Беринг картинно закатил свои хитрые темные глаза.

– Это сидушка, она же пендель, она же попас, она же…

Все это произнося, он расстегнул пряжку на широкой и черной резинке и одним быстрым движением рук вдруг обнял девушку, обернув ее этим нехитрым устройством. Они встретились взглядами, и Настя громко сглотнула. Зачем он задержал руки на талии, все еще обнимая ее? Почему он так смотрит? Щелчок застегнувшейся пряжки их вывел из ступора. Влад отвел взгляд и быстро убрал руки.

– На этом сидят, просто вниз с пояса стягиваешь и садишься. Очень удобная вещь, непременный спутник человека, живущего горами и лесом.

Открыл дверь, подсадил ее на пассажирское место рядом с водителем, чему-то вдруг улыбаясь. И не прочтешь же по этому непроницаемому лицу, о чем этот мужик сейчас думает.

Ехали очень недолго, по узкой лесной дороге, уходившей от дома резко и вправо. Чаща, окружавшая дом колоннадой и сумраком толстых ветвей, закончилась, и они въехали в настоящую хоббитанию. Холмы, холмы, река петляющая между ними, лесок вдоль реки.

Едва заметная дорога петляла между ними, приближаясь к реке. Судя по виду ее – только Беринг один тут и ездил.

Машина остановилась у самого берега. Влад галантно Настю высадил, попутно забрав из багажника огромную камеру с объективом размером с ружье.

– Что мы будем тут делать?

– Тш-ш-ш. Теперь разговариваем только жестами. Скрытность и тишина, поняла?

Молча кивнула. Он поманил ее за собой, и они двинулись по едва заметной тропинке вдоль берега.

Небольшая речка тихо несла свои мутные воды, тишина просто давила на уши. Непривычная, плотная, как остывший кисель. Даже в деревне такой не было.

Подошли к небольшому и плотно утоптанному пляжу, у Насти еще мысль мелькнула о том, откуда тут могут быть купающиеся. Рядом с пляжиком рос огромный и кряжистый дуб. Судя по виду – он видел татаро-монгольское иго. Повесив на бок свою камеру, Беринг взобрался на дерево с чарующей ловкостью хищной кошки, и даже ветка не дрогнула под весом этой туши, огромной и мускулистой.

Настя вплотную подошла к стволу, положив руку на толстую мшистую кору гиганта. Ученый кот сидел на дубе том. Молча поманил ее пальцем, тут же протянув крепкую руку. Она едва только успела вложить в нее пальцы, как оказалась уже высоко. Будто ракета взлетела. И приземлилась на широком мужском колене, успев только тихо и порывисто вздохнуть.

Беринг было много. Под ней, над ней, вокруг нее, нависал, обнимал, обволакивал. Он осторожно стянул с ее пояса эту самую “сидушку”, пересадил на нее, как будто на стул. Твердо и удобно, да только… Ей больше понравилось чувствовать через штаны его тепло. А теперь он словно отгородился немного, вычертил пусть коротенькую, но границу.

Расстегнул свою куртку, вынул бинокль, протянул его Стасе и, указав ей на реку, сам припал к объективу камеры.

Сначала она ничего не увидела. А потом медленно и осторожно на берег, один за другим появились удивительные звери. Длинные, с круглыми головами и очень длинными заостряющимися хвостами. Вспомнила! Выдры. Целое семейство, грациозные, мокрые, очень красивые, с умильными и усатыми мордами, нежно покусывавшие друг друга за уши и шеи. Они кувыркались, играли в пятнашки и прятки, боксировали коротенькими и перепончатыми лапами. Вели себя, как младшеклассники на перемене, и все – абсолютно бесшумно. Под ухом у Насти тихонечко шуршала камера, меняя фокус, двигая кольцами объективов. Как удивительно это ощущение причастия к чуду природы! И не важны были затекшие руки и ноги. Влад вдруг тихо присвистнул. Выдры застыли, как вкопанные. Над их головами мелькнула огромная тень.

Секунда-другая, и они растворились, как будто и не было никого. Только плотно утоптанный песок и круги на воде.

Раздался шум в камышах, громкий треск и на песок вышло нечто. Опирался тот зверь на четыре ноги волоча за собой странный хвост: длинный, голый как у крысы с кисточкой на хвосте, как у льва. Круглая голова была увенчана рожками. За спиной – два крыла, как у мыши летучей. Толстое тело покрыто чешуйками, а когда существо вдруг встало на задние лапы, разглядывая что-то в воде, стало видно и перепонки между пальцами и длинные когти. Странный зверь что-то вынюхал, тяжко вздохнул и нырнул вслед за выдрами, совершенно бесшумно. Лишь следы на песке подтверждали – все это Стасе только что не приснилось.

Влад опустил объектив и вдруг шумно вздохнул прямо в ее макушку. От неожиданности она вздрогнула, пошатнувшись, но горячая ладонь стала твердой опорой спине.

– Это вообще кто был? – испуганно выдохнула девушка. – Что за чудо-юдо?

– Хм… – Беринг словно подыскивал термин. Не знал, что ответить, ученый биолог? – Это анчутка. Э-э-э… турпис муг (turpis mug – лат. чудище уродливое).

– Я о зверях таких даже не слышала никогда и фото не видела.

– Мы же в заповеднике, Настенька. Эти все… звери, они исчезающие и охраняемые. Строго секретные, да.

Стася долго смотрела еще на песок. Замерла, вспоминая того зверя сказочного. И пригрелась, уходить не хотелось совсем.

11. Белогорье

– Устала?

Низкий рык, прозвучавший над ухом, снова заставил ее дрогнуть, и снова – крепкая рука на пояснице. Так надежно и так горячо. Она вдруг застеснялась: все это время сидела на нем и забылась совсем.

– Не знаю. Это… и есть ваша работа, да?

Он рассмеялся, фыркнув почти беззвучно.

– Возьми-ка.

Камера переместилась на шею Стасе, повиснув рядом с биноклем. Внезапно на талии оказались обе мужские ладони, и она очень быстро переместилась на маленькую площадку в развилке ствола. Беринг подчеркнуто-осторожно, словно фарфоровую статуэтку поставил девушку на ноги, спустился на землю и сдернул ее, даже пискнуть она не успела.

Снова он был так близко, держа ее в своих больших руках. Щеки снова залила краска, дыхание сбилось. Да что с ней такое?

– Вы не ответили.

– Это только ее маленький штрих. Момент, секунда. Понравилось?

– Очень!

И так убедительно и горячо прозвучало ее это детское: “Очень!”, что Влад рассмеялся.

К машине шли молча, Беринг думал о чем-то, а у Насти перед глазами все плясали прекрасные выдры. И эта “анчутка” – то ли жаба с крыльями то ли чешуйчатый какой летун. И руки на теле, там, где они были недавно, всё еще обжигали. Непонятно и даже страшно – она ведь его совсем не знает, этого большого и загадочного мужчину, а в какую-то там судьбу и любовь с первого взгляда Настя не верила. Это в тринадцать можно за день влюбиться в пару-тройку парней, а в двадцать один – невозможно. Так почему же она так реагирует?

У самой машины, уложив камеру и бинокль в чехлы багажника, Беринг вдруг задумался, смотря на холмы.

– Влад, а мы вообще где? Нет, я понимаю, что Сибирь и все такое, но вот где именно? Как это место называется?

Он вдруг замер, удивленно глядя на неё. Что она не так сделала?

– Сибирь? – переспросил он. – А почему Сибирь?

– А что, нет? Лес же, тайга… и ехали мы на восток.

Он вдруг рассмеялся, весело фыркая, и вытирая вдруг проступившие слезы.

– Настенька, а что у тебя по географии в школе было?

– Четверка.

А вот это обидно. Она даже насупилась.

– А! Точно, прости. Я как-то забыл, что для рядовых обывателей все, что восточнее сто километров от дома – сплошная Сибирь. Но мы не в этой прекрасной части страны, мы сейчас в Белогорье. И ехали – не на восток, это к слову.

Настя обиженно поджала губы и отвернулась. Ишь… шутник! Ну и сказал бы, что информация закрытая, а издеваться зачем?

– Эй, ты чего, расстроилась что ли? Так хотела в Сибирь?

– Нет, просто… Не ожидала от вас, Влад.

– Чего же? Я думал, моя репутация как предсказуемого человека, навеки подмочена.

– Шуточек этих дурацких от вас. Белогория, точно. Как в сказочке. В фильме вон про последнего богатыря. Или у Семёновой в «Волкодаве». Очень смешно. Вы ещё скажите, что мы в параллельном мире… да что вы смеётесь-то надо мной? Если секрет – так и скажите.

– Для начала ты перестанешь мне выкать. А то мне постоянно кажется, что меня много, и за всех этих Берингов непутевых я тоже в ответе.

Она улыбнулась. Застенчиво так, как ребенок, и Беринг впервые увидел на щеках ее ямочки. И вообще – вот такую улыбку. Захотелось погладить по голове и вручить шоколадку.

– Я постараюсь. Вы… ты просто такой большой, что мне иногда тоже кажется, что вас много.

Как он так вот смеется? Одними почти что глазами, но хочется хохотать и дурачиться рядом.

– А насчет Белогорья… Спасибо, конечно, всем этим деятелем за рекламу, но вообще-то – у нас заповедник. Старейший в России биосферный заповедник, и я тут работаю вовсе не егерем.

Как, откуда? Ну конечно, Валька, придурок, все выложил. Ох, а ведь Настя сначала хотела у Беринга спросить, о чем можно рассказывать, а о чем нет. А теперь тень, мельком отразившаяся на его лице, ничего хорошего для Настасьи не предвещала.

– Я биоэколог, зоолог, зоогеограф и…– видя священный ужас на Настином личике, он запнулся и пробормотал что-то еще неразборчивое. Настя разобрала только про “старшего научного сотрудника". – Скажи, Настенька, а ты действительно меня не погуглила? Вот серьезно?

А так можно было? Ох, ну и тупица же ты, “Настенька”! А ведь Беринг же говорил, что человек он публичный. Ничего, у них дома есть связь и она обязательно еще все о нем прочитает.

Видимо, работа мысли так явственно проступала на женском лице, что Беринг снова весело хмыкнул.

Молча села в машину, не дождавшись поддержки. Ей было стыдно зачем-то. Особенно снова себе признаваться: прикосновения этих рук она очень хотела.

Всю дорогу ехали молча. Уже ближе к дому Настю буквально пронзила внезапная мысль: “Как там дети? Наверное, таких малых детей не стоило оставлять одних в новом доме, напичканном техникой и всякими ценностями. Божечки, а на месте ли дом?”

Будто бы угадав ее мысли, Беринг проворчал:

– Ваню я проинструктировал насчет техники безопасности. К тому же не забывай, эти дети давно уже живут своей жизнью и решают совершенно несвойственные им задачи. Им пришлось повзрослеть.

Она очень надеется.

Дом встретил изумительным запахом земляники, топящейся печкой и группой юных хозяев, сидящих за круглым столом вокруг трехлитровой банки с вареньем (судя по виду и запаху) и миской печенья. Стол был заляпан сладкими пятнами (хотя, основная их часть оказалась на детях), лица всех троих покрывались натуральными сладкими масками. Но все были счастливы, абсолютно.

– Так, и кто тут ужина не дождался? Это что тут такое?

Пока Стася думала, что и сказать, вошедший следом Беринг отодвинул ее аккуратно и сделал вид самый свирепый.

– Иван, ты оставлен был старшим. Я слушаю.

Ванька так даже стал меньше ростом, но смотрел вызывающе.

– Вы голодными нас оставили! И я… Пока вы там шуры-муры крутили, как мог – накормил.

– За обсуждение личной жизни старших – два дня чистишь крыльцо по утрам. Щеткой и веником.

– Да в жизни не буду, нашли дурака!

– Три дня. Еще слово, и месяц без всяких маршрутов. Только школа, уроки и дом. Есть вопросы?

Вопросов у парня было много. И возражений достаточно. Но глядя в совершенно спокойные глаза Беринга, Ваня отчетливо понимал – спорить с ним бесполезно. Тот ни чуточки даже не злился.

Измазанные вареньем малышки, замершие на все это время как статуи, только хлопали глазками.

– Ты не потрудился девочек покормить. В холодильнике полно еды. На плите – макароны и курица. Ни за что не поверю, что ты их не заметил. Зато вы отлично нашли эту банку варенья. Земляника вкуснее, да? Настенька, пойдем, я тебе покажу все премудрости бани, придется их мыть основательно.

Она молча кивнула, немного недоумевая: в доме был душ, хоть и маленькая кабинка, но помыть детей можно как-то и там.

На крыльце Влад обернулся.

– Ты молодец, что не вмешивалась. И давай сразу договоримся: мое слово в этом доме – закон. Особенно, если при детях. Так и тебе будет проще, если что вдруг случится – все вали на меня. Если ты с чем-то не согласна – обсуждаем вдвоем, без свидетелей. В свою очередь, все свои претензии я тоже высказывать буду с глазу на глаз.

Она вспыхнула было сначала: закон он, поди ж ты. Потом поняла, что и возразить нечего. Они в его доме, он – их любезный хозяин. Всех кормит, содержит и терпит. Придется тут жить по хозяйским законам. Да, неприятно, но правильно и логично. Только тогда почему он смотрит в лицо ей так ласково, улыбаясь? Что хочет увидеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.